

МАРГАРИТА
АБРАМОВА

(Не)

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ

Дейзи Мур

Маргарита Абрамова

(не)параллельные прямые

<https://litres.ru/74491593>

Аннотация

Оскорблённая Женя соглашается на план подруги — подставить своего преподавателя, обвинив в домогательствах. Но чем ближе она узнаёт этого замкнутого вдовца с тяжелой судьбой, тем яснее понимает: она сама хочет того, в чём собиралась его обвинить.

— Какого... — я не сдерживаюсь в выражениях, — Ты делаешь в моей постели?! — шиплю на нее.

— А вы не помните? Как ночью брали меня...

— Тебе лучше уйти.

— Вы меня выгоняете?

— Давай, Золоторева, — тороплю девушку, — Где твои вещи?
— окидываю взглядом спальню, нахожу ее платье на спинке стула.
Но она не торопиться его брать.

— Мне нужно в душ.

— А мне нужно, чтобы ты как можно скорее ушла, и чтобы ноги твоей больше здесь не было.

— Я уйду, но вы пожалеете...

Они — параллельные прямые. Всем известное правило — они не пересекаются!

Продолжение через день, исключая форс-мажоры)

Книга участвует в литмобе “(Не) игрушка для мажора”

Содержание

ПРОЛОГ	5
Визуализация	12
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	50
ГЛАВА 5	61
ГЛАВА 6	72
ГЛАВА 7	84
ГЛАВА 8	99
ГЛАВА 9	106
ГЛАВА 10	121
ГЛАВА 11	130
ГЛАВА 12	138
ГЛАВА 13	152
ГЛАВА 14	158
ГЛАВА 15	167
Конец ознакомительного фрагмента.	168

ПРОЛОГ

СЕРГЕЙ

Нежные пальцы ведут медленную дорожку от ключицы вниз, по животу, очерчивая контуры мышц. Кожа горит под этими касаниями, просыпается, покрывается мурашками.

Я не открываю глаза. Сквозь дрему чувствую пробивающуюся головную боль, но не позволяю ей испортить этот сон. Он бывает слишком редко. Приходит иногда, когда я слишком устал и слишком одинок. Сон, в котором она рядом. Её руки. Её запах. Её дыхание на моей шее.

Во сне она всегда возвращается. Не говорит, где была. Не объясняет, почему ушла. Просто приходит и ложится рядом, как будто ничего не случилось. Как будто не было той весны, больницы, врачей...

Ее рука ныряет под резинку боксеров и чуть сжимает. С губ срывается хриплый стон.

Как же я соскучился. Не только по этому. По теплу. По близости. По ощущению, что ты не один. Тянусь к ней, не контролируя себя, не думая, просто повинуюсь телу, которое помнит то, что разум пытается забыть.

Она отзывается. Мои ладони скользят по гладкой коже, притягивая ближе. Пальцы ныряют между ее бедер. Там все влажно и горячо. Я касаюсь и чувствую ответную дрожь.

Отвожу ногу чуть выше, придвигаясь еще ближе. Веду но-

сом по ее шее. Как же я скучал по этому запаху. И тому, как пахнет женщина, когда ты просыпаешься рядом.

Какая же реальная.

Но что-то будто не так. Аромат слишком сладкий. Цветочный...

Он окутывает, манит, обещает сладость... но чужой. Он ей не подходит. Лена пахла по-другому.

И, кажется, я его уже где-то чувствовал.

Мысли путаются. Я мешкаю... Но и боюсь прогнать наваждение, снова остаться одному в пустой квартире, где тишина давит на уши, а на прикроватной тумбочке стоит её фотография в серебряной рамке.

— Только не останавливайтесь... — шепчет она.

Меня пробивает словно током реальность. Это не сон.

Девушка, что взобралась на меня, чья упругая грудь вышпалась над моим лицом, не моя жена... Но самое ужасное — она реальная!

— Черт! — вмиг прихожу в себя, распахиваю глаза, скидывая ее с себя.

Движение резкое и грубое, не такое, каким я был секунду назад.

Она вскрикивает и откатывается на другую сторону кровати.

Меня затапливает злость. Жмурюсь, голова раскалывается от резких движений.

— Какого... — я не сдерживаюсь в выражениях, — Ты

делаешь в моей постели?! — шиплю на нее.

Конечно, мне был знаком этот цветочный аромат. Он преследовал меня всю зиму. Просачивался в аудиторию, оставался на листах контрольных работ, которые я проверял по ночам. Сладкий, настойчивый. Как сама его обладательница.

И сейчас его настырная обладательница сидела обнаженная на моей кровати, едва прикрываясь пледом. Волосы растрепаны, глаза блестят, щеки покраснелись.

Она выглядит обиженной и одновременно вызывающей. В ней словно нет ни капли стыда, только какое-то непонятное, необъяснимое право на то, чтобы быть здесь. В моей постели. В моей жизни, в которую я никого не пускаю.

— А вы не помните? — девушка закусывает губу от обиды и этот жест вдруг режет по сердцу. Но я не позволяю себе размякнуть. Не сейчас.

Она смотрит на меня снизу вверх, и в ее глазах вызов.

— Как ночью брали меня, — она не отводит взгляд, и у меня сердце пропускает удар. В ушах — звон, в висках — пульсация, в голове — черная дыра, в которой не осталось ни одного воспоминания о том, что было после того, как я заказал последний виски.

Это не может быть правдой. Я не мог. Я никогда бы не позволил себе. Даже пьяный. Есть границы, которые я никогда не переступал. Но сейчас, глядя на нее, голую с красными следами на шее, которые я не помню, чтобы оставлял, я перестаю быть в чем-то уверен.

Я не помню, сколько выпил вчера. И что именно. Сначала был виски. Потом, кажется, коньяк. А после уже всё равно. Я редко себе это позволяю. Почти никогда. Но вчера был повод, который каждый год находит меня, сбивает с ног, выворачивая наизнанку.

— Тебе лучше уйти.

— Вы меня выгоняете?

Я бросаю взгляд на экран телефона. Почти десять. Валентина Анатольевна привезет Алису с минуту на минуту. Нужно привести себя в порядок. Алисе нельзя видеть отца в таком состоянии. Как и нельзя лицезреть в моей квартире постороннюю голую женщину.

— Давай, Золоторева, — тороплю девушку, — Где твои вещи? — окидываю взглядом спальню, нахожу ее платье на спинке стула. Обхожу кровать прямо в боксерах и протягиваю ей. Она не торопиться его брать.

— Мне нужно в душ.

— А мне нужно, чтобы ты как можно скорее ушла, и чтобы ноги твоей больше здесь не было.

Говорю жестко, иначе если она почувствует каплю сомнения, уцепится за нее и придумает того чего нет.

Протягиваю ей платье еще раз. Она не берет. Тогда я принимаюсь одевать ее сам. Как когда Алиса начинает капризничать и упорствовать, когда ей пора в садик, а она не хочет вставать с кровати. Только еще одного капризного ребенка мне не хватало!

Только этот «ребенок» давно вырос, превратившись в сексуальную девятнадцатилетнюю девушку, и почему-то решил испортить мне жизнь.

Я натягиваю ее черное облегающее платье, стараясь не обращать внимания на ее наготу и стараясь не касаться ее больше, чем необходимо. Но от моих касаний ее теплая кожа тут же покрывается роем мурашек. Ей приятны мои прикосновения, и она недовольна моими действиями.

Девушка зло испепеляет меня взглядом, она вся напряглась, как и вершинки ее груди, они затвердели и пробиваются сквозь тонкую облегающую ткань.

Я отворачиваюсь, делаю шаг назад, натыкаюсь на тумбочку и едва не роняю рамку с фотографией Лены.

— Я уйду, но вы пожалеете...

— Еще бы...

Евгении Золотаревой здесь не место, она чужеродно смотрится в моей, как она сама сказала, скудной квартире. По сравнению с тем, к чему она привыкла. Ничего, что говорило бы о достатке или вкусе. Обычная квартира и выверенный, почти болезненный порядок человека, который пытается контролировать хоть что-то в своей жизни.

Уверен, ее платье стоит больше, чем вся мебель в моей спальне.

Но было одно «но».

Она привыкла получать то, что хочет. А она вдруг захотела своего преподавателя.

Только как объяснить избалованной девчонке, что я не вещь. Что меня нельзя купить, как новую сумочку или машину? И у нас с ней нет ничего общего. Пусть уже переключится на кого-то помоложе и из своего круга. Там ей место. Среди таких же золотых детей, для которых жизнь — бесконечная вечеринка, а университет — досадная помеха.

Мы — параллельные прямые. Всем известное правило — они не пересекаются! Евклидова геометрия, седьмой класс, аксиома параллельности.

Будь проклят тот день, когда я помог этой мажорке!

Визуализация

Приветствую в новой истории!

Ох, как будет непросто героям.

Нас ждет непростая история сближения, эмоциональная и чувственная.

Давайте, для начала познакомимся с героями:

Сергей Романович Шукшин

Женя Золотарева

ГЛАВА 1

ЖЕНЯ

— Да его даже жена бросила! Сухарь! — голос подружки звенит на весь коридор. Несколько человек оборачиваются в нашу сторону, кто-то осуждающе качает головой, но Карину это только раззадоривает. Ей всегда было плевать на чужое мнение.

— Я слышала, что она умерла, — тихо поправляю, поморщившись. Возможно, это просто сплетни, меня никогда особо не интересовала личная жизнь преподавателей.

— Даже жена предпочла сдохнуть, чем жить с ним! — продолжает бушевать Карина, поправляя сумку на плече, — Я ему прямо в лицо сказала, что он не человек, а вычислительная машина. Моральных уроков в институт набирают, а они нас потом мучают.

Она говорит громко и мне некомфортно от ее манеры. Мало того что я сама в жутком стрессе перед сессией, так еще и Карина устраивает цирк прямо у дверей.

— Когда пересдача?

— Да черт его знает... Я не спросила... — Карина на мгновение сдувается, но тут же снова заводится, — Говорил со мной таким тоном, будто я дешевка какая-то.

— Надеюсь, ты не наговорила ему гадостей?

Лицо подружки искажает гримаса. Она часто импульсивна,

и язык — враг ее. Она сначала говорит, а только потом думает. И судя по тому, как она отвела взгляд в сторону и нервно дернула плечом, разговор вышел не просто эмоциональным, а граничащим с административным нарушением.

— Понятно... — протягиваю я, вздыхая.

— Ну а что, Жень, я не права? Кто он вообще такой? — вспыхивает Карина, переходя в наступление, — Сидит в своей аудитории, как сыч, смотрит на нас так, будто мы инфузории под микроскопом.

— Ну, вообще-то, преподаватель. И заведующий кафедрой математического моделирования, — пожимаю я плечами, хотя внутри все сжимается от предчувствия скорой встречи с этим «сычом».

— Этому нищebroду не место у нас в универе. Я пожалуйсь отцу. Он напoмнит ему его место, — подруга говорит это с такой уверенностью, что я на секунду почти верю: ее папа, владелец крупной строительной компании, действительно способен позвонить ректору. Но что-то подсказывает мне, лучше она не сделает.

— Ты заходить будешь? — кивает она на дверь, где идет экзамен по высшему анализу.

— У меня недопуск... — отвечаю и Карина трагически закатывает глаза.

— Вот же мукак. И ты его еще защищаешь...

— Не защищаю, просто стараюсь быть рассудительной, — поправляю выбившуюся прядь волос. Я прекрасно понимаю

злость подруги, но злись не злись, а экзамен сдавать надо. Я просидела над интегралами Фурье три ночи, исписала полторы общих тетради, но стоило мне представить холодный взгляд из-под очков — и все знания выветривались, оставляя после себя только липкую тревогу.

Карина смеется, но смех выходит нервным, почти истеричным.

— Слышу слова твоего папочки. Хорошо после вечеринки у Алика он тебе мозг промыл, — я хмурюсь, вспоминая то утро, — Прикинь, я Марка вчера видела. Он, кстати, о тебе спрашивал.

— Мы поссорились, — признаюсь.

— Да? Опять косячит?

Я молчу, не хочется рассказывать, что я обнаружила в его мессенджере интересные переписки.

Наши отношения были предрешены родителями. У Марка выпускная группа. Пятый курс и он займет должность в компании отца. Он сын папиного партнера. Нашу пару называют «золотой»: Золотарева и Богачёв — идеально. Но последние недели я чувствую себя в этих отношениях не как принцесса, а как дорогая игрушка, которую выставляют на показ. Марк любит водить меня в рестораны, дарит дорогие подарки, но мне чего-то не хватает. Точнее, меня напрягает, что по ресторанам он водит не только меня. И я не собираюсь закрывать на это глаза.

— Идешь сегодня, кстати? — Карина резко меняет гнев

на милость, в глазах снова загорается азарт предстоящей ту-совки, — Там будет половина нашего потока. Нужно же отметить начало этой муки. Алик обещал заказать крабов и ту самую текилу, которую мы пили на Новый год.

— Постараюсь. Но если отец узнает, что я провалила экзамен... — я замолкаю.

Мне и правда досталось в прошлый раз. Просто алкоголь, ничего запретного. Но отец, человек старой закалки, сколотивший состояние на нефтетрейдинге, терпеть не может, когда его единственная дочь роняет планку. «Золотаревы не сдают назад» — любит повторять он. А тут еще и тройка в зачетке — это было бы личным поражением для всей фамилии. Мама, конечно, заступилась бы, но мама сейчас в Италии на показе, и я осталась один на один с отцовскими ожиданиями.

— Тебя ждать?

— Да нет, иди! — говорю подруге, понимая, что сама не знаю сколько буду торчать под стенами, пока все закончат, и можно будет зайти в аудиторию и хотя бы договориться о пересдаче.

После почти двух часов, наконец, экзамен завершается. Дверь открывается, и из аудитории начинают выходить студенты. Кто-то с облегченными лицами, кто-то подавленный, явно несдавший. А одна девушка из параллельной группы вообще выходит и тихо плачет, прижимая к груди зачетку.

Шукшин уже собирается. Он стоит у стола, застегивая пи-

джак, и даже не смотрит в мою сторону. На столе — стопка листов, пару книг и его очки в тонкой металлической оправе.

— Сергей Романович, — обращаюсь к нему, он поднимает голову.

Без очков его лицо кажется другим — более острым, более... притягательным, что ли. Темные волосы, высокий лоб, глаза цвета крепкого чая, которые смотрят на меня с безразличием.

— На сегодня все, Золотарева, — говорит он, и голос у него низкий, с хрипотцой, которая совсем не вяжется с образом сухого преподавателя.

— Да, я знаю. Просто хотела узнать по отработке...

— Узнаешь на кафедре в понедельник, — чеканит он, и я замечаю, как сжимается его челюсть, — Я спешу.

Он забирает со стола бумаги с книгами и быстрым шагом направляется к выходу.

Я злюсь, спешу за ним. Карина права — возомнил о себе невесть чего! Пары минут уделить не может!

— Я ждала вас под дверью два часа! — бросаю ему в спину, и голос срывается на полуслове, потому что он резко разворачивается.

Я не успеваю затормозить, спотыкаясь на высоких каблучках. Налетаю на него, на секунду врезаясь в его каменную грудь и кажется, что он меня поймает. Что его рука сейчас обхватит мою талию, что он сделает то, что сделал бы любой нормальный мужчина на его месте. Я даже чувствую запах

его одеколону — горьковатый, с нотками хвои, совсем не такой, как у Марка, который пахнет дорогой сладковатой туалетной водой.

Но нет.

Он и не думает меня ловить.

Я едва не лечу на пол. В последний момент я хватаюсь за край стола, который оказывается рядом, и чудом удерживаю равновесие. Мои конспекты разлетаются по полу белыми листами.

— Вроде это я без очков, а не ты, — он возвращается к столу и надевает забытые очки, проходя мимо меня.

— В понедельник, Золотарева, — произносит он тем же ровным тоном, каким читает лекции, — Кафедра. С одиннадцати.

И уходит.

Оставляет меня одну со сломанным каблуком.

И это один из самых престижных университетов страны... а он даже не помог мне.

Я в первую очередь девушка, и нужно всегда оставаться женщиной. Права была Карина — сухарь еще тот! Ректор и тот всегда проявляет участие, а этот...

ГЛАВА 2

ЖЕНЯ

Отца дома нет. Чему я несказанно рада.

Он в последнее время сильно контролирует меня, ужасно раздражая. Мне не десять лет, чтобы быть под его неусыпным надзором. Раньше его вечно не было дома — командировки, переговоры, закрытые сделки, совещания, которые тянулись до полуночи.

В детстве мне не хватало его. А теперь, когда я выросла, когда мне уже не нужны его проверки домашних заданий и гиперконтроль, он вдруг решил, что самое время стать образцовым родителем. Следит за моей успеваемостью, за моим кругом общения, мониторит, когда возвращаюсь. Словно пытается наверстать упущенное, но выбрал для этого самый неподходящий момент.

Я захожу в свою комнату и падаю на кровать, не зажигая свет. Нога ноет, тупая боль разливается от щиколотки вверх по икре. Умудрилась же как-то подвернуть на ровном месте.

Это все Шукшин виноват! Злюсь на мужчину. В груди непонятное раздражение. Сессия дается с трудом. А отец все твердит, что я должна сама. Смешно слышать это от человека, который построил свою империю на связях и нужных знакомствах. Но спорить с ним бесполезно — он всегда прав, даже когда ошибается. Скорее бы он переключил внимание

на брата. Ему только семь, и к нему меньше претензий. Этому мелкому гаденышу можно все.

Артем. Папин любимчик, позднеорожденное чудо, мальчик, которого так ждали. Когда он появился на свет, мне было двенадцать. Мне казалось, что меня просто заменили. Наследник, продолжение рода. И теперь все надежды отца — на этого крикливого карапуза, который не знает ничего, кроме того, как швырять игрушки и требовать внимания. Ему можно все, и отец только умиляется: «Растет боец!» А я должна быть идеальной. Должна блистать. Должна нести фамилию так, чтобы никто не посмел сказать, что Золотаревы сдают назад.

В сообщениях семь непрочитанных от Марка.

Я смотрю на его аватарку — черно-белое фото, где он смотрит куда-то в сторону, небрежно поправляя воротник рубашки. Красивое лицо, дорогие часы, идеальная улыбка. Марк Богачёв — парень, которому завидуют все мои подруги. Парень, с которым меня видят в ресторанах и на светских мероприятиях, которого одобряет отец.

Не хочу открывать. Пусть помучается и не думает, что я так просто прощу.

Я захожу в ленту. Карина уже выложила сторис с надутыми губками и подписью: «Я буду мстить!»

«Я в деле» — комментирую ее пост. Мне тоже захотелось отомстить Шукшину.

В ответ получаю одобрительный смайл, и вдогонку сообщение:

«Взбесил?»

«Еще как»

«Сегодня вместе придумаем как ему отомстить.»

«Договорились»

«Алик ждет к восьми»

Еще есть время отдохнуть. Я прохожу в ванную комнату, мой личный спа-салон.

Набираю ванну. Гидромассаж джакузи отлично расслабляет. Вода с шумом наполняет чашу, пар поднимается к потолку, оседая на зеркалах мелкими каплями. Я добавляю немного пены. Своей любимой французской, с запахом ванили и амбры, которую мама привозит из Парижа.

Я раздеваюсь, опускаюсь в горячую воду и включаю массаж. Струи бьют по спине, по пояснице, по ногам, разгоняя кровь и напряжение. Откидываю голову на бортик и прикрываю глаза. Внизу живота тяжелеет и тянет. Я прогоняю образ препода, выбившего из равновесия, пытаюсь заменить его Марком. Но и он злит меня. Я представляю лицо Марка — красивое, ухоженное, с легкой небритостью, которая так нравится девушкам. Его руки, которые умеют быть нежными, когда он этого хочет.

Но почему-то вместо Марка перед глазами снова встает

Шукшин. Его лицо без очков. И его длинные пальцы, которыми он поправлял очки перед тем, как пройти мимо меня. Что за черт? Почему этот сухарь лезет в мои мысли, когда я пытаюсь расслабиться? Я открываю глаза, смотрю в потолок, делаю глубокий вдох. Бесполезно. Образ не уходит.

Я выключаю гидромассаж, даю воде успокоиться. Тепло разливается по телу, но напряжение внизу живота не проходит. Оно тягучее, настойчивое, совершенно не вовремя. Я тру лицо руками, прогоняя наваждение. И даже после ванны чувствую себя неудовлетворенной. В прямом смысле этого слова. И это бесит еще больше.

Я выбираюсь из ванны, заворачиваюсь в махровый халат и иду в комнату. Нога все еще ноет, но уже не так сильно — горячая вода сделала свое дело. Я падаю на кровать, беру телефон и пишу сообщение старосте.

Антон у нас отличник. Он из тех, кто спит с учебником в обнимку вместо девушки.

Бюджетное место в нашем универе еще получить надо. Там такой высокий пропускной балл, что волосы дыбом встают.

«Много у Шукшина не сдало?»

«Почти половина»

«Вот ведь. Сам сдал?»

«Отлично»

Я закатываю глаза. Конечно, «отлично». Антон иначе не умеет. Он из тех, для кого четверка — личная трагедия,

сравнимая с концом света. Интересно, он вообще когда-нибудь получал удовольствие от жизни, или его оргазм — это правильно решенный интеграл?

«Как тебе эту удастся? Ты дал ему взятку? Чем он принимает?»

«Натурой)))»

«Серьезно?»

«Конечно»

«Не издевайся!»

Как было бы проще, если можно было отсчитать Шукшин несколько красненьких. Просто дал конверт, и он закрыл глаза на пробелы в знаниях. Но со взятками у нас все опасно. В том году взяли одного преподавателя. Его уволили с позором, а студентов, которые давали, отчислили. История громкая, скандальная, отцы некоторых пытались замять, но не вышло. Так что теперь никто не рискует.

Мне становится интересно, как выглядела его жена. Была ли она красивой? Я вбиваю в поиск его фамилию. «Шукшин Сергей Романович преподаватель». Выскакивают статьи, публикации, список научных трудов, какие-то конференции. Все ужасные фото, на которых его можно узнать с трудом.

Я листаю дальше, но ничего личного. Ни одной фотографии с женой, ни одного упоминания семьи. Только наука. Сухая, бездушная, как он сам. Я перехожу на его страницу в социальной сети, но она закрыта. Фотографии могут видеть

лишь друзья.

На аватарке стандартные его образ в неизменной черной водолазке, руки скрещены на груди. На лице очки...

Рубашки он надевает лишь на зачеты и экзамены. Вот же задрот! Банальщина — «Экзамен для меня всегда праздник!». Мысленно язвлю, хотя и понимаю, что это просто на всего преподавательский дресс-код.

— Женя, ты дома? — к шести раздается голос отца, отрывая меня от разглядывания профиля преподавателя.

Я вздрагиваю, словно меня застучали за чем-то неприличным. Быстро сворачиваю страницу, прячу телефон в карман халата.

Он предварительно стучит и заглядывает в комнату.

— Да. Ты что-то хотел?

— Напомнить, что завтра ужин у Богачевых.

— Пап, мне нужно готовиться к экзаменам.

— Вот сегодня и готовься.

— Сегодня у меня дела.

— Это еще какие?

— Важные.

Отец молчит несколько секунд, сканируя мое лицо. Я знаю, что он видит: непослушную дочь, которая слишком много себе позволяет. Но он также видит упрямство, которое сам во мне воспитал. Он усмехается, но без тепла.

— Марк там будет?

— Да, — даже не вру, Марк точно будет на вечеринке.

Алик его друг. Хотя вечеринка — это не совсем то, что отец имеет в виду под «делами». Но пусть думает, что мы встречаемся.

Отец кивает, с Марком он меня всегда отпускает.

— Через полгода Марк заканчивает ВУЗ, нужно все обсудить.

— К чему эта спешка?

— Никакой спешки, такие вопросы решаются заранее.

— Мама не будет в восторге, что без нее.

— Она вернется утром, — перекрывает мне все пути к отступлению отец. Он смотрит на меня с легким превосходством, словно говоря: «Что еще придумаешь?»

Ничего не отвечаю. Я зла? Еще как!

Что за день такой... Надеюсь, вечер пройдет куда лучше!

Эта история пишется в рамках литмоба "(Не)игрушка для мажора" 18+

<https://litnet.com/shrt/j4rg>

Асиг
для

ГЛАВА 3

ЖЕНЯ

Такси останавливается у знакомого особняка в десять минут девятого. Алик живет не просто в элитном районе, а в месте, где даже воздух стоит других денег. Огромный дом в стиле современной архитектуры. Особое внимание привлекает подсветка, которая вечером превращает здание в космический корабль, готовый взлететь. Родители Алика — владельцы сети ночных клубов, так что их сын с детства знает, как должна выглядеть идеальная вечеринка. И никогда не подводит.

Я выбираюсь из автомобиля, выхожу под мелкий дождь и на секунду замираю у входа. Из-за закрытых дверей уже доносится приглушенный гул музыки. Басы такие мощные, что вибрация чувствуется через подошву туфель. На парковке ряд дорогих машин. Автомобиль Марка тоже здесь — черный «порше кайен», который он получил на прошлый день рождения от отца.

Сегодня придется с ним говорить, хотя я намерена его игнорить как можно дольше.

У дверей меня встречает вышибала — здоровенный парень в черном костюме, с гарнитурой в ухе. Свои люди, Алик нанимает их на каждую вечеринку. Родители не жалеют денег на безопасность. Год назад кто-то вызвал полицию на од-

ну из тусовок, пришлось отстегнуть крупную сумму, чтобы замять скандал. Конечно, дело было не только в музыке.

Он кивает мне, пропуская внутрь.

Внутри — ад.

Музыка громкая, а свет приглушен. Только цветные прожекторы, которые мечутся по комнатам, выхватывая из темноты то чье-то лицо, то край дивана, то бутылку в чьей-то руке. Красный, синий, зеленый — пульсируют в такт музыке, создавая ощущение, что ты внутри гигантского стробоскопа.

В большой гостиной человек двадцать. Кто-то танцует посреди комнаты — тесно, вплотную, руки на талиях, бедра в такт музыке. Кто-то развалился на огромных угловых диванах. На журнальном столике настоящее поле битвы: бутылки с виски, водкой, текилой, коньяком, джин с тоником, шампанское в ведерке со льдом. Алкоголя целое разнообразие, что позавидует любой бар. Народ во всю отрывается.

На кухне, которая плавно перетекает в гостиную, еще компания. Там кто-то делает коктейли, кто-то уже не может стоять и опирается на столешницу. Я узнаю несколько лиц с потока: Кирилл с экономического, Паша с юрфака, Сонька, которая учится на дизайнера и всегда появляется на вечеринках в чем-то эпатажном. Сегодня она в прозрачном топе и кожаных штанах. Рядом с ней какой-то парень, которого я вижу впервые, но выглядит он так, будто здесь ему все должны.

— Джони! — голос Карины перекрывает музыку, и я ви-

жу, как она выныривает из танцующей толпы, растрепанная, с горящими глазами.

Так она меня называет, когда уровень готовности к безумствам повышен. Подруга заряжена!

На ней короткое серебристое платье, которое сверкает при каждом движении, и кажется, что она светится изнутри. Волосы растрепались, тушь немного потекла от жары, но ей идет — выглядит дерзко, сексуально, как девушка с обложки глянца, которую снимали после бурной ночи.

— Ты приехала! — она обнимает меня, и я чувствую запах ее духов, смешанный с запахом текилы и сигарет. — А я уже думала, не придешь! Марк уже спрашивал раз десять!

Карина тянет меня за руку вглубь комнаты, лавируя между танцующими.

В этой комнате тихо. Алик встречает нас у дивана. Он высокий, спортивный, с вечной легкой небритостью и наглой улыбкой, которая говорит: «Я знаю, что я лучше тебя, но ты мне все равно нравишься». На нем черная рубашка, расстегнутая на три пуговицы, открывающая загорелую грудь и золотую цепочку.

— Золотарева! — он поднимает бокал с чем-то янтарным. — А мы уж думали, Богачёв тебя в клетке держит!

— В клетке? — я улыбаюсь, хотя внутри ни капли веселья.

— Ну, или на цепочке, — подмигивает Алик.

Я оглядываю комнату в поисках Марка. И нахожу его у окна. Он стоит, прислонившись плечом к косяку, с бокалом

в руке, и смотрит на меня. Даже издали вижу — он зол. Его челюсть сжата, губы в тонкую линию, в глазах — вопрос, на который он хочет получить ответ.

Рядом с ним Ольховский. Вместе они смотрятся как ангел и демон. Марк — жгучий брюнет с темными глазами, в которых иногда мелькает что-то опасное, а его друг — блондин с почти скандинавской внешностью, светлыми волосами и голубыми глазами, которые умеют смотреть так невинно, что любая поверит. Но ангелом там и не пахнет. Тот еще мудака. Ольховский из тех, кто меняет девушек как перчатки, разбивает сердца и даже не морщится. Недавно он объявил какую-то художницу не из нашего круга своей девушкой. Диана, которая считает его своим, разве что молнии не метала.

Видимо, и Марк решил с друга взять пример и нагуляться до нашей семейной жизни. Я замечаю, как какая-то блондинка в коротком платье слишком долго задерживает на нем взгляд, как он не отводит глаза, когда она проходит мимо. В груди что-то колет — не ревность. Скорее уязвленное самолюбие. Не то чтобы я была против того, чтобы он смотрел на других. Но делать это у меня на глазах? После того как его родители и мой отец обсуждают нашу свадьбу? Это уже не просто взгляды. Это неуважение.

Да только я за ним бегать не буду. Пусть развлекается, но тогда ни о какой свадьбе речи быть не может. Я не из тех, кто закрывает глаза на измены и делает вид, что ничего не случилось. Если Марк думает, что я буду сидеть дома и ждать, пока он наиграется, то он глубоко ошибается. Еще не хватало за каким-то парнем бегать! Не будет такого никогда!

Но надо отдать ему должное. Выглядит он как всегда на высоте. Черная футболка, облегающая широкие плечи и рельефные руки, джинсы, которые сидят идеально, дорогие часы на запястье. Иными словами, как модель с рекламного постера. Уверенный, расслабленный, невозмутимый. Любая другая на моем месте уже растаяла бы, забыла все обиды, подбежала и повисла на шее. Но я отвожу взгляд и не улыбаюсь ему. Не заслужил.

Завтрашний ужин так некстати. Злюсь на обстоятельства. — Жень, иди к нему, — толкает меня Карина. — А то он

сейчас взорвется.

— Ну уж нет, — растягиваю губы в улыбке, — Для разговора с ним мне нужно что покрепче.

— Тебе как раз полагается штрафная, — Алик протягивает мне бокал.

— Что это? Пахнет отвратительно.

— Алик, не тупи. Мы, девочки, любим сладенькое.

И только я пригубляю клубничный коктейль, предложенный Кариной, как слышу за спиной голос Марка:

— Женя, отойдем пообщаемся?

Его голос звучит спокойно, хотя я и знаю, что он раздражен. Марк берет меня за локоть и настойчиво тянет в сторону от гостиной, туда, где потише, где музыка не так бьет по ушам. Я не сопротивляюсь.

— Знаешь зачем телефон изобрели? Не чтобы рилсы в них просматривать.

Он одной фразой меня злит еще сильнее.

— Знаю, Марк. Прекрасно знаю. Чтобы тебя игнорить.

— Что за детский сад?

— Не делай вид, что все нормально.

— Не понимаю, что ты здесь устраиваешь.

— Все сказал? — спрашиваю холодно.

— Всё, — выдыхает он и толкает меня к стене. Спина ударяется о холодную поверхность, и я не успеваю охнуть, потому что он затыкает мне рот поцелуем.

Таким, каким он всегда целует, когда хочет напомнить,

кто здесь главный. Его рука ложится на мою талию, пальцы впиваются в кожу через тонкую ткань платья. Он наклоняется, прижимается всем телом, но я упираюсь ладонями в его грудь. Пытаюсь оттолкнуть, но эту гору мышц не сдвинуть, поэтому кусаю его за губу.

— Ты что... — он отстраняется, проводит языком по губе, пробует на вкус кровь.

— Не прокатит, — бью его в грудь кулаком, — Ты думаешь, что поцелуем всё решишь? Что я растаю и забуду?

— Что за истерики, Женя? — в его голосе появляются раздраженные нотки, — Завтра ужин с предками, а ты...

Он не договаривает, но я и так понимаю. А ты портишь мне вечер. А ты ставишь под угрозу переговоры. А ты ведешь себя не как удобная девочка...

— Так вот чего ты разошелся, — усмехаюсь я, скрещая руки на груди, — Боишься, что завтра родители заметят? Что сделка сорвется? Пошел ты...

— Женя, — он хватает меня за запястье, и голос становится угрожающе тихим, — Успокойся.

— Не трогай меня! — выдергиваю руку, — Проваливай! К кому вы там с Ольховским собрались?

— Не придумывай того чего нет. Переписка ничего не значит.

— Обычная — да, а вот интимная...

— Ну, прислала мне какая-то пигалица свои сиськи... — он пожимает плечами, делая вид, что это пустяк, что я слыш-

ком остро реагирую.

— А ничего, что ты сам ее об этом попросил? — перебиваю я, и мой голос звенит от напряжения, — Не надо врать.

Он молчит. Смотрит на меня своими темными глазами, в которых нет ни раскаяния, ни стыда. Только досада. Досада, что попался. Что не удалось замести следы. Что я оказалась не такой наивной душой, как он думал.

— И если ты думаешь, что завтрашний ужин пройдет гладко, ты ошибаешься.

— Женя, давай поговорим спокойно, — он делает шаг ко мне, протягивает руку, но я отшатываюсь.

— Не порти мне вечер. Я хочу к девочкам. А ты можешь двигать куда хочешь.

— Пф... Можешь сколько угодно пыжиться, но ты моя. Если тебе нужен этот спектакль, то пожалуйста... — он раскидывает руки в сторону.

Бесит! Будто он мне позволяет!

Отходит спиной, ухмыляясь мне. А потом разворачивает и идет к другу.

Не смотрю на него. Ищу взглядом Карину.

Она уже ушла от Алика и находится с девочками, что-то активно им рассказывает. Направляюсь к ней.

Там уже расположились трое: Оля с филфака, Алиса с психологического, вечно недовольная всем и всеми, и блондинка в стразах, чье имя я никак не могу запомнить.

— Золотарева, сучка... С тебя причитается, — Карина

хлопает рядом с собой по дивану, чтобы я расположилась рядом, — Я ту бессмертную от твоего Марка быстренько спроварила. А ты опять поворот ему устроила. Пора бы вам помириться. А то будешь злая... неудовлетворённая...

— Как ты?

— Мой Тимурчик хорошо поработал вчера, но этот мудака все испортил. Все настроение в минус... Мы как раз придумываем план, как ему отомстить.

— Что тебя не видно было? — спрашивает меня Оля.

— Готовилась к экзаменам.

— Что к ним готовиться? — фыркает девушка, поправляя длинные волосы, — Юбку покороче — и все дела. Они только чтобы смотреть на наши ноги нам должны платить.

Она смеется, и остальные подхватывают. Оля всегда была самой циничной в нашей компании. Учится на бюджете, но дружит с мажорами потому, что умеет быть нужной. И говорит такие вещи, которые мы все думаем, но не все решаемся произнести вслух.

— Есть особи, с которыми это не прокатывает, — говорит Карина, и я понимаю, что она снова вернулась мыслями к Шукшину.

— Не верю, — заявляет блондинка, — Чтобы у мужика не встал. Если только импотент.

— С этим нищевродом?! — Карина повышает голос, — Совсем дура?! Это себя не уважать...

— Кто тебя обидел? — она надувает губы и тянется к Ка-

рине, целует ее в щеку, — Ну я же не говорю с ним спать, а просто расположить мужика к себе. Делов-то.

— С этим не прокатит, — отвечаю вместо Карины, — Ты просто к Шукшином по мат анализу не знакома на своем гуманитарии, — делаю пару глотков напитока и сладкая горечь согревает горло.

— Не знакома. Что он настолько плох? Да и у преподав хорошие заплаты, в нашем-то универе.

— Да брось! — Карина усмехается так, будто услышала анекдот, — Видела его корыто, моя сумочка дороже стоит. Фак ему, а не ножки! Этот упырь получит только кол в задницу. Старый урод! — Карина не перестает извергать оскорбления, и с каждым словом ее голос становится громче. Она набирает обороты, как паровоз, который несется под откос.

— Ну, он не такой старый, — неожиданно вклинивается блондинка, и я поднимаю на нее удивленный взгляд, — Ему, кажется, всего тридцать пять. И ты видела его размер ноги?

— Это все бред. У Тимурчика сорок пятый, а в штанах стручок... Хотя управляться с ним он умеет, я не жалуюсь, — она делает многозначительную паузу, и девчонки снова смеются. Я не смеюсь. Потому что, глядя на Шукшина, я почему-то думаю, что у него не «стручок».

— Ну раз он такая сволочь, то нужно устроить, чтобы он свалил из универа, — заявляет блондинка, стряхивая пепел в пепельницу, — Это наша территория. Напомнить, кто им

платит.

— И я о том же, — поднимает бокал Карина, и в ее глазах загорается опасный огонь. Она уже что-то придумала. Я знаю этот взгляд — он означает, что кто-то сейчас пострадает. В прошлый раз так горели ее глаза перед тем, как она разобралась с девчонкой, которая посматривала на ее Тимурчика. Та девушка потом перевелась в другой вуз. Никто не доказал, что это была Карина, но мы-то знали.

— Что вы задумали?

— А что тут думать. Говорите, он не такой? — усмехается Оля.

— Говорите, он не такой? Значит, сделаем так, чтобы он стал «таким». В глазах общественности.

— Его нужно выставить в компрометирующем свете, — Карина понижает голос, но говорит так, что каждое слово слышно, несмотря на музыку, — Чтобы он больше никогда не смог работать. Чтобы его имя связали со скандалом.

— С каким скандалом? — спрашиваю я, хотя понимаю куда они клонят.

— Домогательства, — Карина улыбается, и улыбка у нее недобрая. Хищная. Такая, от которой хочется закрыться. — Достаточно одного заявления. Что он приставал к студенткам. Что трогал. Что обещал пересдачу в обмен на услуги.

— Но он же не... — начинаю я, но Карина меня перебивает.

— А кто будет проверять? — она пожимает плечами, —

Слово нескольких девушек против слова одного препода. Кому поверят? Ему — с его корытом и зарплатой? Или нам — дочкам тех, кто финансирует этот университет?

— И что, мы просто скажем, что он домогался? — блондинка в стразах выглядит заинтригованной. Ей, кажется, нравится эта игра. — Этого достаточно?

— А что еще нужно? — Карина разводит руками. — Скандал с домогательствами в лучшем универе Питера! Это разлетится по всем новостям. Его уволят в тот же день. Даже разбираться не будут — чтобы не позориться. Просто вышвырнут, как нашкодившего кота.

— Карин, не знаю даже...

— Что тут знать, Джони, уличить его в работе мы не сможем. Слишком умный. Взятки точно не берет, да и с ними можно и сами влипнуть. Помните прошлый год?

Девчонки кивают. Все помнят. Никто не хочет повторения.

— А так... сто процентов верняк. Никто не будет копать глубоко. Все поверят. Потому что все хотят верить в то, что мужики — сволочи. А мы — бедные жертвы.

— Мужики падкие на нашу красоту, — безапелляционно заявляет Оля, — Плюс молодость. Но нужно проверенных девочек. Никому такое доверять нельзя. Чтобы языком не болтали.

— Само собой, — говорит Карина и медленно поворачивает голову ко мне, — Ты, Джони, и начнешь.

— Почему я?

— Потому что на меня он не клюнет, — Карина пожимает плечами. — Я ему сегодня такого наговорила, что он даже смотреть в мою сторону не будет. А у девчонок он не ведет.

— У нас в том семестре был зачет, — пожимает плечами блондинка, крутя в руках опустевший бокал, — В этом нет.

— Он назначил тебе пересдачу?

— Нет. Сказал в понедельник на кафедру приходить.

— Вот назначит — и будешь действовать, — Карина широко улыбается, — Папочка твой за твою репутацию печется, как никто. Шукшина вышвырнут сразу. Я тоже подключусь. Скажу, что и ко мне подкатывал. Запилю роликов. Купим комментарии. Все по красоте будет.

Она поднимает бокал, призывая всех отпраздновать начало плана. Оля подхватывает. Блондинка — следом. Алиса с психологического долго сомневается, но потом тоже поднимает свой бокал. Только я сижу не двигаясь.

Представила, что мне нужно будет очаровывать этого мужчину. Улыбаться, кокетничать. По-настоящему очаровывать. Играть роль. Притворяться, что он мне интересен. Что его холодный взгляд меня не отталкивает. Что его молчаливость кажется мне загадочной, а не пугающей. Я прокручиваю в голове эту сцену: я прихожу на пересдачу, сажусь напротив него, смотрю в эти темные глаза за стеклами очков и пытаюсь изобразить интерес. Говорю что-то томное, наклоняюсь, чтобы он увидел вырез. И он... Что он? Он же

каменный. Он же не поведется.

— Да ладно тебе, — блондинка толкает меня локтем, вырывая из мыслей. — Это же проще простого. Улыбнулась, ножку показала, глазками похлопала. Мужики — они все одинаковые. Даже этот сухарь рано или поздно поплывет.

— Представь, что у него там не стручок, — хохочет Оля, запрокидывая голову. Ее смех режет слух, — Мне прямо самой захотелось. Может, лучше я подкачу к нему где-то случайно? Вычислим его маршруты, окажемся в нужном месте в нужное время...

— Нет... — Карина качает головой, и ее голос звучит жестко, не терпя возражений, — За просто связь со студенткой его не уволят. Ему тебе нечего предложить. А у Жени как раз сессия не закрыта. И ничего готовить не надо будет. Все так закроют.

— К тому же, ты на его жену похожа, — выдает она неожиданное.

— Он еще и женат? — тянет Алиса.

— Вдовец, — усмехается Карина.

— Ооо, — ухмыляется Оля, — Точно поведется. Только нужно поласковее.

— Где ты ее фото нашла? — меня волнует другое. Что его жена умерла, я и сама это знала, — У него же профиль закрыт.

— Попросила одного друга взломать сегодня. Вот смотри, — она протягивает мне свой телефон, — Правда у нее воло-

сы длинные. Но что-то общее все же есть.

Я смотрю на фото и не могу отвести взгляд.

Она симпатичная. Хотя и выглядит просто. У нее светло-русые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбиваются несколько прядей. Мягкая улыбка, которая делает ее лицо открытым и добрым. Зеленые глаза. Но я перевожу взгляд на Шукшина. Он обнимает ее и улыбается. Никогда не видела ее таким.

Я снова вглядываюсь в ее черты, пытаюсь найти сходство с собой.

— Ничего не похоже. Только глаза что зеленые. И светлая кожа.

— Волосы можно нарастить, — задумчиво говорит Оля, заглядывая мне через плечо. — Или парик купить. В цвет ее. Не такая уж большая проблема.

— Не надо, — отвечаю я резко, — Я не собираюсь притворяться его мертвой женой. Это уже слишком.

— Ладно, — говорит Карина, — Как хочешь. Но типаж один. И это нам на руку.

— Думаешь, не справишься? — подначивает Оля.

— Не в этом дело, — не ведусь на ее провокацию.

— Брось, — Карина обнимает меня, — Будет что потом вспомнить. Ты слишком правильной стала. Вон даже твой Марк стал на плохих девочек заглядываться.

— Карин...

— Ты права! Ну этих парней! Пойдемте, девочки, за-

жжём. Покажем кто тут королевы вечеринок!

Мы забываем про свои планы и идем в отрыв.

Бокал за бокалом, мне плевать смотрит ли Марк или уехал, я пью коктейли и танцую с девочками. Я чувствую, как напряжение в моих плечах отпускает. Остается только музыка, свет и желание хотя бы на несколько часов притвориться, что я счастлива.

*Про Ольховского вы можете прочесть в истории у
Татьяны Герасимовой - "За гранью фальши"*

<https://litnet.com/shrt/XYwt>

Она - простая девушка-художница, поступившая в элитный университет на стипендию.

Он - холодный красавец из богатой семьи, привыкший всё решать деньгами и контролем.

Когда её пытаются публично унижить, он объявляет её своей девушкой. Так начинается история, в которой ложь становится любовью, а любовь - самым опасным выбором в их жизни.

ГЛАВА 4

ЖЕНЯ

Я качалась на волнах, меня то штормило, то успокаивало. Не находила себе места, кровать казалась слишком тесной, а простыни жгучими. Ворочалась с боку на бок, сбивала одеяло в комок, вытягивала ноги, поджимала их обратно — ничего не помогало. Но наконец я затихла, обессиленная этой внутренней борьбой, и спокойно заснула.

И тут кто-то принялся меня будить, что-то настойчиво тыча мне в лицо.

Сначала это было едва ощутимо. Легкое прикосновение к щеке, от которого по коже побежали мурашки. Я поморщилась, отмахнулась рукой, но оно повторилось снова. Что-то щекотало щеку, но я не могла разлепить век, слишком уж хотелось спать. Веки свинцовые, ресницы слиплись, а во рту пустыня.

Будто травинкой... Хотя нет, не похоже, что-то другое... Веточка?

Я не могла понять, от этого непонимания внутри начало зарождаться раздражение. И любопытство все же пересилило сон. Какая-то глупая, детская потребность узнать, что это такое, заставила меня раскрыть воспаленные от недосыпа глаза, и я тут же подпрыгнула.

Передо мной стоял Шукшин.

Он возвышался надо мной и тыкал мне в лицо своим стручком. Не образным... а настоящим. Фасолевым или гороховым.

— А где твоя фасолинка? — спросил он и засмеялся... так зловеще, что мне стало не по себе.

Его смех эхом отражался от стен, множился, превращался в какофонию. В глазах появился холодный блеск, а на губах кривая усмешка. Он был одновременно и собой, и кем-то другим — карикатурным, гипертрофированным, как образ из дешевого фильма ужасов.

А я сидела на кровати и не могла пошевелиться от стыда, который горячей волной разливался по лицу.

— Что?! Я... я... — не могла произнести ни слова, только смотреть, как мужчина смеется.

А потом уже по-настоящему подскочила на постели.

И приснится же такое!

Опустилась обратно на подушку, прикрыла глаза ладонью, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Это все вчерашние разговоры про стручки. И про него. Слишком много Шукшина за последние дни. И теперь еще этот дурацкий сон. Боже мой, вот это мы вчера релакснули.

Я схватилась за голову, приглаживая спутанные волосы. На мне еще было вчерашнее платье, от него разило чем-то, видимо, пролила что-то. Туфли — одна под столом, вторая у двери. Клатч тоже на полу, раскрытый, из него вывалилась помада и телефон.

Не помню как пришла домой.

— Вставай, гулена, — раздалось сбоку, и я вздрогнула.

На краю моей кровати сидел младший брат. Семь лет, а уже смотрит взглядом отца. Таким же осуждающим и тяжелым, как будто он не ребенок, а надзиратель. Артем морщит лоб в точности как отец, когда тот собирается читать нотации. На нем была пижама с динозаврами, волосы аккуратно причесаны, а выражение лица и вовсе заставило меня почувствовать себя школьницей, которую поймали на месте преступления.

— Сколько времени?

— Почти одиннадцать. Еле тебя добудился.

— А ты что тут?

— Отец в ярости, — продолжил он, и в его голосе было что-то похожее на злорадство. — Ну ты и учудила вчера.

— Что? — я протерла глаза, пытаясь сфокусироваться на его лице, — Что я учудила?

— Не помнишь? — он скрестил руки на груди, снова копируя отца, — Тебя таксист на руках нес, ты заблевала ему всю машину. Отцу пришлось оплатить химчистку салона. И заплатить мужчине, чтобы он не распространил твои пьяные фото в сеть.

— Какие фото? — голос у меня сел, превратился в жалкий хрип.

— Не тупи. Обычные фото. Ты уснула и таксист не мог тебя добудиться. Хорошо, что папа трубку взял.

Я застонала и упала обратно на подушку, прикрывая лицо руками. Вот так вот почему от меня несет. А я думала пролила алкоголь. Нужно срочно принять душ.

— Отец сказал, чтобы лучше я тебя разбудил, иначе он за себя не ручается.

— Мама еще не вернулась?

— К обеду обещала.

Я закрываю глаза и слышу, как брат спрыгивает с кровати.

— Давай вставай, — говорит он уже у двери, — А то папа сам придет. И будет хуже.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна.

Не удастся избежать взбучки. Это ясно, как день. Отец не простит мне второй позор за месяц.

Я лежу, смотрю в потолок и чувствую, как к горлу снова подступает тошнота. Не физическая. Другая. От паршивости ситуации.

Я вспоминаю вчерашнее. Танцы. Каринины крики: «Королевы!».

Сажусь на кровати, чувствуя, как голова идет кругом. Мне нужно в душ. Нужно смыть с себя вчерашний вечер. Собиралась же просто посидеть с девчонками, но все обернулось катастрофой. И теперь мне предстоит спуститься вниз и выслушать все, что отец обо мне думает. А потом еще вечер у Богачевых... Гадство!

Привожу себя в порядок, зарядившись парой таблеток обезбола. Переодеваюсь в чистую скромную одежду. При-

лежная дочь.

Светло-серая водолазка с высоким горлом, светлые джинсы. Волосы собраны в аккуратный хвостик. Никакого макияжа. Я смотрю на себя в зеркало и вижу хорошую девочку. Ту, которая никогда бы не напилась до беспамятства.

Спускаюсь в гостиную.

Отец сидит на диване, смотрит что-то в телефоне. Не в кабинете, значит, специально ждет меня.

— Привет, — здороваюсь тихо, сажусь в кресло.

— Видимо, зря я в свое время тебе ремня не давал, — говорит он после непродолжительного молчания, — Как думаешь, уже поздно?

— Пап... — начинаю я, — Прости... — не знаю что сказать. Мы с девочками просто...

— Ты сказала, что будешь с Марком.

— Мы поругались... Вот я и перебрала...

— Я звонил ему. И он говорит совершенно иное. Ты что устраиваешь?! — отец встает с дивана и возвышается надо мной всей своей массивной фигурой. Он испепеляет меня тяжелым взглядом, и я чувствую себя вновь маленькой провинившейся девочкой, — Думаешь, на тебя управу не найду?

— Что бы он не сказал, это неправда. Он накосячил...

— Накосячила ты, — отрезает отец, — И это уже перебор. Мое терпение закончилось.

— Вы опять ругаетесь? — в гостиной появляется мама, спа-

сая меня.

Она грациозно входит в дом, водитель следом заносит ее чемоданы. А мама окидывает нас взглядом: меня, съежившуюся в кресле, и отца, стоящего посреди комнаты в позе разгневанного Юпитера.

— Марина, — отец поворачивается к ней, — Как ты во-
время!

Это точно!

— Что случилось?

— Твоя дочь, — отец кивает в мою сторону, — Вчера на-
пилась до беспамятства, облежала такси, а сегодня вдобавок
врет мне.

— Я ничего не врала, — когда мама рядом, чувствую себя
увереннее. Не то чтобы она всегда была на моей стороне, нет,
мама вообще редко выбирает стороны, она скорее дипломат,
который пытается всех примирить. — Ничего не произошло.
Ну выпила с девочками... Ничего не ела, вот меня и развез-
ло... А с Марком я разберусь сама, — добавляю тверже, —
Мне уже не десять лет!

— Ах, не десять! — отец делает шаг ко мне, и его рука
тянется к ремню.

— Миша, что за варварские методы?

— С ней только так и надо, — но рука все же опускается.

— Девочка просто волнуется перед замужеством.

— Поэтому она скатилась и по учебе?

— Ну ты же сам говорил, что девушке главное — удачно

выйти замуж, — мама подходит к отцу, обнимает его, — Как мне. Я, кстати, соскучилась, — целует его в щеку, оставляя след от помады, и принимается оттирать его, — Не ей же управлять компанией.

— Я нашел ей отличную партию. А она нос воротит. Поругалась с Марком...

— Помиряются, — говорит спокойно, как само собой разумеющееся, — Жень, — она проходится по мне взглядом, — Но вид у тебя действительно ужасный. А мы должны выглядеть сегодня восхитительно. Собирайся, поедem приведем тебя в порядок!

Папа успокаивается, но смотрит на меня еще строгим взглядом. Он долго остывает и ничего не забывает. Мама его снова целует и он отправляется заниматься своими делами.

Затем к нам присоединяется Артем, он немногословен, держится отстраненно, но я знаю, что он рад возвращению родительницы.

Она уделяет двадцать минут младшему и снова возвращается ко мне, когда мы остаемся одни в моей комнате.

— Жень, теперь жду твою версию событий, — мама садится на край моей кровати, поправляя идеально отглаженные брюки. Она смотрит на меня с легкой укоризной, но без того осуждения, которое читалось в глазах отца. Она всегда умела разговаривать со мной иначе. Не как с провинившейся, а как с тем, кто просто ошибся и нуждается в наставлении. — Я не успела в дом зайти, а у вас тут разборки с отцом.

Я присаживаюсь рядом.

— Я же просила тебя быть терпеливее, — продолжает она, беря меня за руку. — В этом наша мудрость. Мужчины не любят истерики. Им нужна гладкая поверхность. Спокойная вода. Если хочешь чего-то добиться — действуй иначе.

Я вздыхаю, понимая, что мама права. Как всегда. Я слышу эти слова не в первый раз, она повторяет их всегда, когда я устраиваю очередной скандал Марку или срываюсь на отце. «Будь мудрее, Женя. Будь гибче. Не ломай, а гни. Вода камень точит, а не бьет его с разбегу».

Она уже втолковывала эти истины, и я соглашаюсь с ней. В теории. На практике же все иначе.

Но я все равно каждый раз завожусь, даю волю эмоциям.

Я криво усмехаюсь. Фина — это астролог, которую мама обожает. Она консультируется с ней по любому поводу: от выбора цвета стен в гостиной до планирования деловых встреч. Сейчас, видимо, дело дошло и до моей даты рождения.

— Ты серьезно? — спрашиваю, улыбаясь, — Думаешь, если бы я родилась под другим знаком, то не устраивала бы скандалов?

— Возможно, — мама пожимает плечами, — Меня Фина никогда не подводила, так что не смейся. Может, и тебе стоит к ней сходить. Построить натальную карту. Узнать, что звезды говорят о твоём замужестве.

Я молчу. Не потому что согласна, а потому что спор с ма-

мой на эту тему бесполезен.

— Да что рассказывать, — отмахиваюсь я, убирая руку.
— Марк мне изменяет. Я не намерена это терпеть.

Мама вздыхает, она поправляет выбившуюся прядь у меня из прически, и этот заботливый жест вызывает у меня комок в горле. Иногда снова хочется оказаться маленькой.

— Милая, парню двадцать лет, — говорит она терпеливо,
— Он сейчас перебесится и станет примерным семьянином, как твой отец, — Марк остепенится, гормоны утихнут, его ждет большое будущее. Он будет управлять крупным бизнесом.

Я сдерживаюсь, опять молчу. Язык чешется сказать ей все, что я думаю о ее стратегиях и ее мудрости. О том, что отец, который сейчас кажется ей примерным семьянином, доводил ее до слез, когда я была маленькой. О том, что я отлично помню их ссоры. О том, как она плакала по ночам, думая, что я сплю.

Я не хочу портить маме настроение и напоминать ей о тех временах. Когда я была в возрасте Артема — лет семи-восьми, — мне частенько приходилось быть свидетелем их разборок. Я пряталась за дверью, когда они ругались на кухне. Слышала, как папа кричит, как мама плачет, а потом тихо закрывает дверь в спальню. А утром они снова улыбались друг другу, и никто не должен был знать, что ночью здесь было пекло.

Я не хочу такой жизни. Не хочу делать вид, что все хоро-

шо, когда внутри пустота. Не хочу терпеть измены, унижения, ложь ради статуса, ради бизнеса, ради того, чтобы «не позорить фамилию».

— Мам, — говорю я тихо, — Я не хочу так?

— Женя, — она притягивает меня к себе, целует в висок, — Отец прав, марк отличная партия. Мы желаем тебе только счастья. Ну все хватит меланхолии. Пойдем, нас ждет поход в спа-салон. Тебе нужно отдохнуть и выбросить эти дурные мысли. Марк увидит какая ты и ни на кого даже смотреть не будет! Ты у меня такая красотка и умница!

Я и правда забываю обо всем, стоит нам переступить порог.

В спа-салоне пахнет эвкалиптом и лавандой, играет тихая музыка, полумрак успокаивает. Сначала паровая. Горячий влажный воздух расслабляет мышцы, открывает поры. Затем пилинг: массажистка растирает кожу морской солью, смывая вместе с омертвевшими клетками вчерашний день и всю его грязь.

Потом массаж — сильные руки разминают спину, плечи, шею, находи каждый узел напряжения. Сначала больно, затем боль отступает, сменяясь тяжелым приятным теплом. Я почти засыпаю на столе.

После массажа — обертывание. Меня намазывают шоколадом, заворачивают в пленку и оставляют на полчаса. Лежу в полной неге, чувствуя, как кожа впитывает сладкую глазурь.

Завершающий этап — уход за лицом. Чистка, маска, увлажнение. Косметолог водит по коже прохладными пальцами, вбивая сыворотки и кремы.

Выхожу из салона другим человеком — свежей, сияющей, безупречной. Мама довольно оглядывает меня:

— Вот теперь ты похожа на мою дочь.

Улыбаюсь. Киваю. Настроение вышло из минуса, приподнятое, я полна сил и готова к ужину. Но тогда я еще не знала, чем он закончится и как круто изменится моя жизнь!

ГЛАВА 5

СЕРГЕЙ

Наконец-то суббота. Пар в субботу у меня нет. Специально выстроил свой график так, чтобы два выходных проводить с Алисой, которой катастрофически не хватает родительского внимания. Когда я составлял расписание на год, главным критерием было — освободить субботу и воскресенье любой ценой. Для этого пришлось взять дополнительные часы в по средам и пятницам, а также отказаться от нескольких научных конференций. Алиса важнее. Она всегда важнее. Этот ребенок — единственное, ради чего я еще просыпаюсь по утрам. Как бы пафосно ни звучало.

Учитывая отсутствие мамы, ей требуется внимания в два раза больше, а то и три, если учитывать компенсационные потери. Сложно просчитать душевные потери ребенка. Нет формулы или уравнения, позволяющие их вычислить. Я научился вычислять интегралы любой сложности, решать дифференциальные уравнения, доказывать теоремы, но я не умею лечить детские душевные раны.

Я не знаю, сколько внимания нужно, чтобы заполнить ту пустоту, которую оставила Лена. Я не могу смотреть в глаза дочери, когда она спрашивает, почему у всех есть мама, а у нее нет.

И вроде все в порядке, Алиса растет, улыбается, ходит в

садик, рисует солнышки и котиков, но в любой момент тебя может ждать взорвавшаяся бомба.

Сложно объяснить трехлетнему ребенку, почему ее мама смотрит на нее только с фотографии. Я могу только обнимать ее и говорить утешительные слова. Но слова — это всего лишь слова. А правда — это боль. И я не готов причинить дочери эту боль.

Оказывается, у трехлеток свой кризис. Симптомы, причины, способы преодоления. Я вообще много читаю о воспитании, вбиваю в поисковике любую проблему и штудирую форумы, статьи, научные работы. Не думал, что к своим тридцати пяти я буду углубляться в процессы воспитания маленьких детей. И помимо лекций по матанализу и прочей профессорской рутины буду часами зависать на сайтах для мамочек, выискивая советы, как отучить ребенка бояться темноты, как справиться с истерикой в магазине, как объяснить, что папа не может быть и мамой одновременно. Но жизнь — лучший учитель. Она преподносит уроки, к которым ты не готов, и требует сдавать экзамены, к которым не готовился.

Как и не думал, что буду воспитывать долгожданного ребенка один. Ребенка, которого мы так долго с Леной ждали.

Столько лет не выходило забеременеть. Врачи разводили руками. Лена плакала по ночам, но утром улыбалась и говорила: «В следующий раз получится. Мы не сдаемся». А я верил. Я верил в неё, верил в нас, верил в чудо. И чудо случи-

лось. Две полоски на тесте — и мир заиграл красками.. Новыми, незнакомыми, предвкушающими.

Но девять месяцев ожидания закончились дырой в груди, которую невозможно залатать. Она все тянет и тянет, даже когда ты внешне не показываешь этого.

Больно вспоминать, как мы были счастливы в тот период. Как Лена светилась, когда на УЗИ сказали, что будет девочка. Как она выбирала имя, перебирала сотни вариантов, отвергала один за другим, пока не остановилась на Алисе. «Как Алиса в стране чудес. Наша маленькая волшебница».

Это была ее любимая книга с детства. Женой пересмотрены все экранизации. Я лишь улыбался и, конечно, был не против этого имени.

Как Лена радовалась девочке. Она купила розовый комбинезон, когда живот только начал округляться. Заказала кроватку с балдахином, коляску с кружевами, тысячу маленьких платьиц и ползунков. Она говорила с животом, пела колыбельные, читала сказки, а я слушал её голос, доносящийся из спальни, и чувствовал, что я самый счастливый человек на земле.

Мне же было неважно, кто родится — мальчик или девочка, главное — здоровый. У друга ребенок аутист с задержкой развития и нарушением речи, и я видел, как он мучается, как они с женой ходят по врачам, психологам, дефектологам, как борются за каждый сантиметр его развития. Так что я был в курсе, что процент рождения больных детей растет. Я го-

товился к разному. Но я не был готов к тому, что выживет только один.

Подвох ждал откуда не ждали. Это случилось как обухом по голове. Я помню каждую секунду того дня. Как вез Лену в роддом. Она держалась за мою руку и улыбалась, говорила, что всё будет хорошо, что она сильная, что мы скоро увидим нашу девочку. Как проводил взглядом удаляющуюся спину у дверей приемного покоя. Как сидел в машине, пил кофе из автомата, крутил в руках телефон, ждал новости. Как проходил час за часом.

Я не мог поверить в то, что они говорили. Как вместо поздравлений о том, что я стал отцом, принимал соболезнования. Как вместо «у вас дочь» врач сообщил, что моей жены больше нет.

Во время родов открылось кровотечение. Ребенка удалось спасти, а вот организм Лены не справился. Потеря крови была слишком большой. Хирурги боролись за неё несколько часов, но... Не спасли. Не смогли. А я так и не узнал, почему они не смогли. Почему никто не смог сохранить её. И никогда не узнаю.

После того как я пришел в себя, во мне проснулась злость. Глубокая, всепоглощающая. Мне необходимо было найти виноватых. Нужно было заставить кого-то заплатить за то, что Лены больше нет. Я хотел добиться правды, наказать виновных. В моей голове выстроилась стройная цепочка: врачи допустили ошибку, кто-то недоглядел, кто-то затянул, кто-

то принял неверное решение. Я должен был найти этого кого-то и заставить ответить. Закон должен был восторжествовать. Лена заслуживала справедливости.

Я нанял юриста. Известного в городе, того, кто специализировался на медицинских ошибках. Я нашел себе цель, которая помогала не сойти с ума по ночам. Разбор документов, консультации, звонки экспертам — это заполняло пустоту, которая образовалась внутри после потери Лены. Каждый раз, когда я думал о ней, а я думал о ней слишком часто, я тут же переключался на дело. На месть.

Но всё закончилось, когда я понял, что этот путь лишит меня дочери. Валентина Анатольевна, моя свекровь, занималась малышкой. А я позволял ей это делать, потому что был занят более важным, как мне казалось, делом. Дело восстановления справедливости.

А тем временем мать Лены решила забрать мою дочь к себе. Потому что я мужчина и не смогу. Я помню тот разговор, как сейчас. Алиса спала в соседней комнате, а мы сидели на кухне, пили холодный чай, и она говорила тихим, спокойным голосом, от которого у меня стыла кровь.

«Сергей, ты хороший человек, — сказала она, глядя на меня глазами Лены. Такие же, как у неё. То же выражение, та же глубина. — Но ты мужчина. Ты не сможешь вырастить девочку один. Ей нужна женщина, мать. Я потеряла дочь, я не хочу потерять и внучку».

Я смотрел на неё и понимал, что она права. В каком-то смысле. Я был никчемным отцом в те дни. Не потому что я не любил Алису, а потому что горе затмило мне глаза. Я утонул в своей боли и перестал видеть того, кто нуждался во мне больше всех.

Я отказался от иска. Позвонил юристу и сказал, что дело закрыто. Он спорил, говорил, что у нас хорошие шансы, что можно получить компенсацию, наказать врачей. Но я уже принял решение. Я понял, что никакая справедливость не вернет Лену.

Тогда я отказал свекрови, она тяжело приняла отказ. Точнее, совсем его не приняла. И до сих пор не отпускает надежду забрать у меня Алису. Она нашла свою цель. И даже ее понимал. Но... Нет.

В этом году свекровь взялась с новой силой. После прошлой болезни Алисы, которая из обычного ОРВИ перешла в левостороннюю пневмонию. Она винила во всем меня. Хотя сама в это время тоже присматривала за ней.

Но она обвинила меня, что я слишком много работаю, что я не слежу за здоровьем дочери, что я вообще не умею воспитывать детей.

После всех больничных мытарств, бесконечных процедур и таблеток, которые Алиса пила через «не хочу», я чувствовал себя выжатым лимоном. А тут еще и свекровь с новыми претензиями сразу после выписки. С ней невозможно было разговаривать — каждый разговор превращался в выяснение

отношений, в обвинения, в напоминания о том, как я «плохо» справляюсь.

Потом она затихла, но я только недавно понял почему. Она подготавливалась.

Вчера вечером я встречался с её юристом. Это была третья встреча за последние два месяца. И после экзамена, который и так затянулся и я опоздал на эту встречу, выслушивал о том, что Валентина Анатольевна считает меня неспособным обеспечить Алисе должный уход, что она готова судиться, что у неё есть ресурсы и время, а у меня только работа, которая отнимает почти всё.

Самое удивительное, что она днем общалась со мной как ни в чем не бывало. Приходила забирать Алису, улыбалась, спрашивала о моих делах, обсуждала дела и алисины новости. А за спиной тем временем вела свою деятельность. Звонила юристам, собирала документы, консультировалась с психологами, которые должны были дать заключение о моей «несостоятельности» как отца.

Я не понимал, как можно смотреть в глаза человеку, улыбаться ему, а за спиной готовить удар, который может разрушить его жизнь.

Выслушивал, что моя свекровь настроена решительно, но не враждебно. Юрист подчеркивал это особенно часто.

Чтобы она предприняла в ином случае?! Мысленно усмехался, хотя на самом деле было далеко не до смеха.

— Сергей, она желает внучке добра. Валентина Анато-

льевна просто хочет быть уверена, что девочка в безопасности.

Юрист говорил, что мне проще пойти на мировую и обеспечить спокойствие ребенку. Малышка не должна участвовать в судебных тяжбах и выбирать между папой и бабушкой. Будто я все начал. Она отчего-то не заботилась о переживаниях внучки, основываясь на мысли, что так ей будет лучше. Ирония, которую юрист, кажется, не замечал. Или скорее делал вид, что не замечает, защищая свою сторону.

Настроение и сегодня было паршивое. Старался не думать и проводить выходной с дочкой. Алиса не должна видеть меня подавленным и чувствовать мою тревогу. Для нее суббота и воскресенье — это маленький праздник, время, когда папа принадлежит только ей, а не университету. Я обещал себе, что эти два дня будут безоблачными. И делал всё возможное, чтобы сдержать обещание.

Мы сходили в зоопарк. Алиса была в восторге от обезьян. Они кривлялись, строили рожицы, бросались чем-то друг в друга, и девочка визжала от смеха, хлопая в ладоши.

Затем пообедали в нашем кафе — маленьком семейном ресторанчике рядом с парком, где нас уже знали. Официантка каждый раз приносит Алисе салфетку с нарисованным котенком, а мне кофе покрепче, без сахара. Дочка не переставала рассказывать обо всем — об обезьянках, о том, что в садике у неё появилась новая подружка, которую зовут Соня.

После обеда мы пошли на детскую площадку. Там Алиса

носились как угорелая: горки, качели, песочница, лазалки. Я стоял рядом, подстраховывал, собирал разбросанные игрушки, разговаривал с другими родителями о погоде и о том, как быстро растут дети. Обычные субботние разговоры обычных людей. На секунду я почувствовал себя частью этого мира — мира, где нет судов, юристов, свекрови с её претензиями.

А вечером мы вместе смотрели мультфильмы. Я включил ей старого доброго «Винни-Пуха». Он еще не закончился, когда Алиса окончательно отключилась. Я не стал её будить. Подхватил дочь на руки и отнес в ее кроватку.

У самого сна же не было ни в одном глазу. Я решил отправиться на пробежку в парк — привести мысли в порядок. Бег всегда помогал в тяжелые периоды. Еще в аспирантуре, когда не хватало денег и времени на сон, когда диссертация казалась непосильной ношей, наматывал круги по набережной и чувствовал, как напряжение уходит. Ноги работают, сердце колотится, легкие горят — и в этой физической боли проще было заглушить боль душевную.

Быстро переоделся в спортивный костюм, старые, но удобные вещи, которые носил уже несколько лет, сунул телефон в карман, ключи и наушники. Проверил, заряжены ли они. Поставил на беговой плейлист что-то ритмичное, без лишней лирики.

У дочери в комнате камеры, транслирующие на телефон, поэтому не волновался, оставляя ее одну. Две: одна направлена на кроватку, другая захватывает всю комнату целиком.

Качество хорошее, звук четкий.

Я установил их сам, когда Алисе было полгода, чтобы видеть её, когда готовился к лекциям и семинарам, а также когда готовил еду на кухне. И сейчас, перед пробежкой, открыл приложение, убеждаясь, что картинка чистая, что дочка спит спокойно. Хорошо, что они есть. Без них бы я не решился уйти из дома даже на полчаса.

Пробежка и занимает от силы полчаса по парку около дома. Тропинка вдоль пруда, потом три круга по центральной аллее, потом обратно. Не слишком интенсивно, но достаточно, чтобы разогнать кровь и проветрить голову.

Парк встретил меня тишиной. Первый круг. Второй. Я уже приближался к третьему, когда услышал голоса. Громкие, что они пробивались через наушники. Освободил уши от них и сбавил темп.

Голоса доносились со стороны старой беседки. Я почти пробежал мимо, но что-то заставило меня свернуть. Что-то в этих звуках привлекло, это не просто пьяная болтовня, а что-то угрожающее.

— Отпустите, я сказала! — женский голос, молодой, срывающийся на крик. И в нем — страх.

Я замер.

— Да ладно тебе, красавица, чего ты ломаешься? — мужской голос, сиплый, с хрипотцой, — Мы же по-хорошему.

— По-хорошему? Руки убрал! Я сейчас полицию вызову!

— Какая цаца... Ты с нами понежнее, малышка...

Смех. Несколько голосов. Трое. Может, четверо.

Я свернул с освещенной дорожки в темноту, стараясь ступать как можно тише.

Беседка показалась из темноты не сразу. Сначала я увидел свет фонариков — телефонов, которые кто-то включил, чтобы осветить место событий. Потом — силуэты. Трое. Мужские. Движения были дергаными, неестественно быстрыми.

И девушка.

Её прижали к стене беседки. Один парень держал за руки, прижимая их к доскам у неё над головой, второй стоял слишком близко, почти вплотную, третий снимал всё на телефон, ухмыляясь.

Сначала я не узнал её. Слишком темно. Но когда второй парень отступил на шаг, а свет упал на её лицо...

Как ее сюда занесло?!

Золотарева.

Евгения Золотарева.

Моя студентка.

ГЛАВА 6

ЖЕНЯ

Только я переступила порог дома Богачевых и меня снова накрыла злость. Я думала, что спа-процедуры, успокаивающая музыка, ароматы и мамина забота хотя бы притупят это чувство. Но нет. Стоило мне увидеть Марка, и всё вернулось. Он стоял такой весь в белоснежной рубашке, хотя обычно предпочитает черную.

Стоял и высокомерно улыбался, и весь его вид, особенно взгляд, прямо кричали: ну и что ты выеживалась, вот она ты, как и положено. Прилежная невеста. Хорошая девочка. Кукла, которую нарядили и выставили напоказ.

Я сжала зубы, чтобы не сказать что-то, о чем потом пожалею. Вспомнила мамин совет не показывать эмоции, быть гибкой, быть мудрой, и стараться не скандалить. Но внутри все кипело.

Мама, будто что-то почувствовала, осторожно, мягко сжала мою ладошку, поддерживая. Теплые, ухоженные пальцы с идеальным маникюром легли на мои, чуть дрожащие от напряжения. Кивнула едва заметно, давая понять, что справлюсь.

Мать Марка тут же принялась нас обнимать, особенно меня.

— Ой, как похорошела! Женечка, ты очаровательна! —

она отстранилась, заглянула мне в глаза, потом оглядела с ног до головы, оценивая наряд, причёску, макияж. Татьяна Богачёва всегда была экспертом по части внешнего вида. Она сама выглядела безупречно — облегающее платье благородного изумрудного оттенка, идеальная укладка, ни одной лишней морщины на лице.

Я выдавила вежливую улыбку.

— Татьяна Николаевна, вы тоже прекрасно выглядите, — даже врать не пришлось.

— Спасибо, милая, — она похлопала меня по руке и повела в гостиную, — Проходите, мы так рады вас видеть.

Отцы пожали руки и стояли, наблюдали за нами в привычной сдержанной манере, но сегодня было видно, что они очень довольны.

— Ну что, молодые люди, — отец Марка, Игорь Викторович, широко улыбнулся, демонстрируя ряд безупречных зубов, — Проходите, садитесь. Устраивайтесь поудобнее.

Марк подошел ко мне, взял за руку, отвел в сторону, где мы могли пообщаться.

— Привет. Ну ты вчера и отожгла, — ухмыльнулся он, — Настоящая фурия.

Я прищурилась, мало что помнила из вчерашнего вечера. Он наклонился, желая поцеловать меня в губы, но я увернулась, подставляя ему щеку.

Ничего не ответила.

— Ну хватит дуться, — он отстранился, но не выпустил

мою талию. Пальцы скользнули по ткани платья, задержались на пояснице. Его голос стал тише, почти интимным, — Я, между прочим, соскучился по своей сладкой девочке.

— Что, вчерашняя отказала?

— Да не нужен мне никто, — он покачал головой с видом оскорбленной невинности, — Только моя Джони.

— Как ты запел, — заметила я, намекая на то, что еще вчера его взгляд блуждал по другим девушкам в зале.

— Лучше прекрати. Ревнивой ты меня только сильнее заводишь. А то придется тебя украсть у родителей на полчаса.

Я отрицательно покачала головой.

— Не торопись отказываться. У меня для тебя подарок.

Он отступил, выпуская мою талию, и достал из кармана брюк бархатную коробочку. Темно-синюю, почти черную, с золотым тиснением. Я узнала этот логотип — один из самых дорогих ювелирных домов Европы.

Он распахнул ее.

Кольцо.

Крупный бриллиант, идеальной огранки, в обрамлении более мелких камней, которые сверкали даже при тусклом свете. Платиновый ободок, изящные линии. Кольцо, о котором мечтает любая девушка.

— Я знаю, мы ссорились, — продолжал он, и в его голосе появилась та самая уверенность, которая всегда была его главным оружием, — Знаю, я не идеален. Но мы созданы друг для друга, Джони. И я прошу прощения, если обидел

тебя.

Он взял мою руку и надел кольцо. Оно село идеально. Бриллиант засверкал, поймав свет, и на секунду я залюбовалась им.

— Красивое.

— Ты достойна только такого. Пойдем к остальным.

— Хорошо. Пойдем, — я бросила взгляд на руку, раздумывая принять ли кольцо.

— Никого у меня не было, — добавил он, замечая мои сомнения, — Я изголодался не представляешь как. Хватит меня уже мучить, стер правую руку в кровь.

— Марк... — начала, не зная, что сказать.

— Джони... — он перебил меня, сжал мои пальцы, притянул к себе. — Пожалуйста. Не усложняй. Мы же хорошая пара.

— Ладно... — злость от его слов отступила. Он и правда может быть нормальным, когда захочет. Красивый и богатый, все девушки хотят его, мне нужно перестать ревновать. Нужно перестать закатывать скандалы из-за каждой подозрительной переписки. Быть мудрее, как советовала мама. Взрослеть. Принимать правила игры, в которую играют все женщины в нашем кругу — закрывать глаза на мелкие шалости мужей, пока те не переходят границы.

Но в груди все равно немного ныло, что я все же быстро сдалась.

Марк обнял меня за талию, притянул к себе. Пальцы

скользнули по моему бедру, сжали ткань платья.

— Останься сегодня у нас. Уверен, родители не будут против.

— Не торопи события, — ухмыльнулась, — Посмотрю на твое поведение.

До конца вечера Марк был идеальным. Он шутил, улыбался, поддерживал меня под руку, подливал шампанское, нашептывал комплименты.

Родители и еще пара гостей все обсуждали, договаривались о датах, о месте проведения, о списке приглашенных. Звучали названия дорогих ресторанов, экзотических стран, имена известных ведущих и фотографов. Я слушала вполуха, вставляла "да" и "конечно" в нужных местах. А сама смотрела на кольцо и не верилось, что я скоро выхожу замуж.

— Не налегай как вчера, — склонился Марк к моему уху, когда я взяла третий бокал шампанского. Его дыхание коснулось моего уха, и я вздрогнула, — У меня на тебя сегодня планы.

И я осталась.

— Не хочешь составить компанию? — спросил Марк, отправляясь в душ. Он стоял на пороге ванной, уже без рубашки, с полотенцем на плече, и смотрел горящим взглядом, от которого сердце все же пропустило предвкушающий удар.

— Отдохну пока, — ответила, отворачиваясь к окну.

— Только не усни.

Но уснуть мне не дали. Я хотела поставить телефон на зарядку. Марков как раз зарядился, я перевоткнула его шнур в свой. Я уже хотела отложить гаджет, когда случайно бросила взгляд на экран Маркова телефона. Он зажегся, показывая пропущенные уведомления.

Закусила губу. В прошлый раз мы поссорились как раз из-за того, что я сунула нос в его переписку.

И вот опять... Я должна доверять. Но мне нужно было подтверждение. Я знала его пароль, который он так и не сменил.

Пальцы сами набрали комбинацию, и экран разблокировался.

“Увидимся еще?” — сообщение, пришедшее сегодня утром.

“В следующую пятницу. Только подучись минутой, детка. Сосала ты паршиво” — ответ часом позже.

А я дура поверила, что у него никого не было, как правдоподобно вешал мне лапшу на уши, я даже осталась у него.

В этот момент Марк вышел из душа, обернутый в полотенце. Голый торс, капли воды на плечах, мокрые волосы.

— У тебя плохая привычка брать мой телефон, — он заметил, что я держу его гаджет, но голос остался спокойным, даже игривым. Он подошел, забрал телефон, улыбаясь, еще не понимая, что я прочла.

— Пошел ты, — я принялась собирать свои вещи, сняла кольцо и кинула ему в лицо, — Свадьбы не будет!

— Женя, что случилось?! Да успокойся ты! — он попытался обнять меня, но я вырвалась.

— Не прикасайся ко мне, — прошипела, — Я все видела. Эту твою «детку», которая «сосет паршиво». Очень поэтично, Марк. Ты бы еще оценки поставил.

Я нашла свой телефон, отключила его от зарядки, собиралась вызвать такси, но он оповестил о низком заряде и выключился.

Черт! Еще один предатель! Ничего, поймаю так!

Я тороплюсь, не хочу, чтобы Марк оделся и догнал меня. Не желаю выяснять с ним отношения. С ним все ясно, что он может мне сказать? Насчет свадьбы я не пошутила. В голове проносятся счастливые лица родителей, которые уже все распланировали. Но планировать — не значит действовать. Я отменяю свадьбу не за день до... Так что совесть меня не грызет. Пусть мучает Марка, что изменяет своей невесте. Вот же гад!

Я не согласна на такое отношение. Он врал мне, смотря в глаза, насмеялся, что я отжигала, а сам проводил время с какой-то девицей. И ладно бы проводил... Но он назначил ей следующую встречу, пока со мной мило изображал любящего жениха.

Голова немного кружится от прохладного свежего воздуха и выпитого шампанского.

Телефон совсем сдох. Как же невовремя.

Марк живет в элитном поселке. Я иду до шлагбаума, где

должен дежурить охранник в любое время суток. Въезд и выезд строго контролируются, посторонним сюда нельзя. Попрошу его вызвать такси. Но на посту никого нет. Не одного человека в форме, только пустое кресло и мониторы, на которых мелькает черно-белая картинка пустых улиц. Идиллия, мать ее.

Черт. Я оглядываюсь по сторонам, чувствуя, как внутри закипает новая волна раздражения. В этом районе не ловят машину простым взмахом руки — здесь либо своя, либо вызывают заранее. А мой телефон выбрал именно этот момент, чтобы сдохнуть окончательно. Я чувствую себя брошенной, ненужной, как будто мир решил, что я заслужила эту ночь в одиночестве.

Но за шлагбаумом, прямо у выезда, вижу машину с шашкой. Торопливо роюсь в сумочке, пытаюсь найти хоть какую-то наличку. Карты сейчас бесполезны, терминала в такой машине точно нет. К счастью, нахожу редкую по нашему времени наличку.

— До Невского довезете? — спрашиваю, подходя к водителю. Он неприятный на вид: мятое лицо, щетина, подозрительный прищур. Но за неимением большего. Не привычный комфорт, конечно.

— Тысяча, — называет цену. Через приложение было бы в разы дешевле, но мне плевать, лишь бы поскорее уехать отсюда. Киваю, сажусь в машину, и мы выезжаем на главную дорогу.

Откидываюсь, прикрываю глаза. В ушах шумит — то ли от выпитого шампанского, то ли от пережитого стресса. Хорошо бы вернуться домой бесшумно: тихо зайти, пробраться в свою комнату и упасть лицом в подушку. Не хочется сейчас ни с кем разговаривать. Ни с отцом, который устроит допрос с пристрастием. Ни даже с мамой, мастер-класс которой я снова с треском провалила.

Отец будет в ярости. Я прокручиваю в мыслях фразы, которые скажу ему, пытаюсь объяснить, почему сорвала помолвку. Но уверена, что его они не убедят. Для него Марк — идеальный зять, нужная фамилия, партнерские связи, нужное будущее для бизнеса. Мои чувства — девятое дело. Я дочь, которая должна не подвести.

В раздумьях не замечаю, что мы едем совершенно не в ту сторону. Всматриваюсь в окно, пытаюсь понять, где мы.

— Простите, но улица Невского в другой стороне.

— Так вы сказали проезд Невского, — отвечает водитель, не глядя на меня. Его голос звучит спокойно, даже лениво.

— Я не говорила такого, — говорю твердо, — Разворачивайтесь.

— Придется доплатить, — бросает водитель, — Время потрачено, бензин.

— С чего это? — повышаю голос, чувствуя, как внутри закипает злость, — Вы завезли меня не туда. Сами ошиблись. И содрали как за две поездки, между прочим.

Машина останавливается.

— Приехали, — говорит он.

— Ладно, — стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри поднимается паника, — Просто поедem дальше по правильному маршруту. Я на месте заплачу.

Понимаю, что спорить сейчас не выход, я без телефона, денег.

— Знаю я таких. Деньги вперед, — настаивает на своем, и не торопиться заводить машину.

— У меня телефон сел, — чувствую себя униженной, оправдываясь перед этим мужиком. В другой раз я бы просто вышла и вызвала другую машину.

— Не мои проблемы, — он пожимает плечами, — Деньги или выходите.

— Почти ночь на дворе, — у меня перехватывает дыхание, — А вы непонятно куда меня завезли.

— Одиннадцать вечера, — не желает идти на компромисс, — Не ночь. Деньги или выходите.

— Да пошел ты! — вылетаю из машины, злая, униженная, готовая плакать от бессилия. Но принцип — он иногда дороже денег.

Выхожу на улицу. Сильно хлопаю дверью напоследок. Такси уезжает, оставляя меня одну в темноте.

Оглядываюсь по сторонам. Ну и где я? Вроде недалеко от универа. Здесь вечером я никогда не бывала, все кажется иным. Но вроде около парка было кафе. Может, там есть и банкомат.

Чего я испугалась? Вокруг ходят хоть и редкие, но люди: одинокая женщина с сумкой, мужчина в наушниках, пара, которая держится за руки и что-то тихо обсуждает. Обычный городской вечер, ничего страшного. Не дикий лес, не заброшенная промзона — просто спальный район, где спокойно до утра. Я выдыхаю и направляюсь к парку.

Кафе нахожу, оно закрыто, время работы как раз до одиннадцати. Уже как пятнадцать минут закрыто. Да уж, что за невезенье.

Отхожу от двери, чувствуя, как злость сменяется усталостью. Холод пробирается под легкую куртку, забирается в рукава и в воротник. Как же просто хочется быстрее оказаться дома.

Может, пойти к университету? Там есть охрана, можно попросить зарядить телефон. Или попросить позвонить. Я уже собираюсь двинуться в ту сторону, как слышу голоса. Мужские. Совсем близко.

— Эй, красавица, не заблудилась?

Трое. Из темноты.

Сердце ухает вниз. Только этого не хватало!

— Нет. Все в порядке. Жду своего парня. Он вот-вот должен подъехать.

— Может, мы тебя подвезем.

— Нет, спасибо, — отхожу в сторону, отыскивая взглядом людей, чтобы отойти к ним. В парке как раз появляется жен-

щина и я спешу к ней. Да вот только она заходит в какой-то вход, и я остаюсь в парке с этими тремя. Они перекрыли выход обратно.

ГЛАВА 7

ЖЕНЯ

Меня колотит. Крупная дрожь проходит по телу. Срываюсь на бег, понимая, что где-то с другой стороны должен быть еще один выход.

Но нога снова подворачивается на каблуках и я падаю разбивая колени. Щиколотка не успела зажить и сейчас подвела в самый неподходящий момент. Если бы раньше я убежала от этих странных уродов легко, то сейчас это не представляется возможным. Я хромаю, каждый шаг отдается болью в лодыжку, и не могу бежать быстро.

Глаза у преследователей мутные, зрачки бегают, а движения резкие угловатые.

Как меня угораздило?!

— Ну куда же ты? — первый настигает меня, его рука хватается меня за запястье, — Мы тебя не обидим. Наоборот, приласкаем.

Этого я и боюсь.

Я выскальзываю из куртки, рукав выворачивается, ткань трещит, но я свободна. Бросаюсь в сторону, не глядя на них.

— Какая энергичная, — гогочут его дружки, — Димас, лови красотку, а то ускользнет.

И этот Димас все же настигает меня. Он бежит быстрее, чем я ожидала, сбивает с ног, перехватывает за талию, впи-

ваясь пальцами в живот, и одним движением закидывает за плечо. Мои волосы свисают вниз, платье задирается, холод касается ног. В голове паника, вытесняющая все мысли.

— Помогите! — громко кричу, барабанию по его спине кулаками, машу ногами, пытаюсь вырваться, — Спасите! Помогите кто-нибудь!

Но его дружки только смеются, что-то кричат вслед, и никто не приходит. Парк пуст. Бесполезно. Он несет меня к беседке, туда, где темно, где нет фонарей и ничего не видно. Я хочу продолжить кричать, но он затыкает мне рот своей вонючей ладонью, которая пахнет табаком, дешевым алко-голем и еще чем-то кислым, мерзким.

— Тихо, — шипит он, — Сказали же — не обидим. Чего орешь?

Кусаю его. Изо всех сил, впиваюсь зубами в его ладонь, чувствую вкус соли и грязи, но это не помогает. Он лишь сильнее толкает пальцы, сжимает мою челюсть, так, что я не могу закрыть рот, чувствую, как слюна течет по подбородку, как к языку прижимаются его скользкие пальцы. Меня едва не выворачивает. А вдобавок свободной рукой он бьет меня по бедру.

Он доносит меня до беседки, ставит на ноги, прижимает к стене.

— Не шуми, — Димас смотрит на меня сверху вниз. В его глазах мутный азарт, пугает до дрожи.

— Я сейчас полицию вызову, — говорю, а голос дрожит,

срывается, превращается в жалкий писк. Я понимаю, как глупо это звучит. Они не боятся.

— Вызывай, — смеется второй.

— Отошли от меня. Иначе вам не поздоровиться, если тронете меня.

Димас проводит пальцем по моей щеке, и меня начинает тошнить с новой силой.

— Не трогай меня, — отворачиваюсь, прижимаюсь спиной к холодному дереву.

— Какая важная, — он смеется.

Я закрываю глаза, не могу видеть их лица.

«Пожалуйста, пусть кто-нибудь придет. Пожалуйста. Я обещаю, что больше никогда...»

В этот момент из темноты выходит мужчина.

— Девушка же сказала, чтобы вы отстали, — раздается его голос, я распахиваю глаза и вижу его.

Шукшин? Сергей Романович...

— Отойдите от неё, — говорит он, и голос звучит жестко, как приказ.

— Слышь, мужик, — поворачивается Димас, — Иди отсюда, пока цел.

— Я сказал, отойдите, — повторяет Шукшин, делая шаг вперед.

В его руке телефон. Он поднимает его, показывая экран. Со своего расстояния мне не разглядеть блефует он или нет.

— Я уже вызвал полицию, — говорит он, — Через три

минуты здесь будут. Если хотите уйти по-хорошему — уходите.

Они переглядываются. Пауза длится несколько секунд, но мне они кажутся вечностью. Я молюсь, чтобы они ушли. Молюсь, чтобы Шукшин не пострадал.

Двое медленно отходят от меня, а третий, Димас, остается на месте, и это настораживает. Он стоит, раскачиваясь на пятках, и смотрит на Шукшина исподлобья. Его лицо искажено гримасой, в которой смешались злоба и какой-то нездоровый интерес. Мне кажется, он что-то задумал.

— Хорошо-хорошо, — говорит он, поднимая руки в примирительном жесте, — Убедил. Никого мы не трогали. Просто беседовали. Просто подкатили к красотке.

Он делает шаг назад, потом второй, отступая в тень. Я выдыхаю, кажется, всё обошлось. Шукшин тоже расслабляет плечи, опускает телефон, делает шаг в мою сторону.

— Идем, — говорит он, протягивая мне руку.

Я тянусь к нему.

И в этот момент один из тех, кто отошел, внезапно разворачивается и бросается на Шукшина. Все происходит слишком быстро. Я вижу только темную куртку, мелькнувшую в свете фонаря, и выброшенную вперед руку. Шукшин не успевает среагировать — телефон вылетает из его пальцев, падает в снег.

Бьет второй раз, но Шукшин уворачивается, уже включившись в драку.

— Ах ты тварь! — рычит нападающий, пытаюсь достать Шукшина кулаком.

Завязывается драка. Я несколько секунд не могу пошевелиться, ноги будто приросли к земле, глаза заморожено смотрят на мельтешение тел. Я никогда бы не подумала, что мой преподаватель умеет так драться. Он не выглядит как боец — обычный преподаватель, но сейчас он двигается быстро, резко, как будто умеет это делать. Удар, блок, еще удар. Один из парней падает в сугроб, второй отлетает в сторону.

Паника отступает, я все же прихожу в себя и бегу к телефону. Достаяю его из сугроба, смотрю на треснувший экран, но понимаю, что звонок их уже не остановит. Даже если я сейчас дозвонюсь, полиция приедет через десять минут. Оглядываюсь в поиске чего-нибудь потяжелее.

Нахожу в беседке бутылку от шампанского, как удачно ее оставили на скамейке.

К моему удивлению, преподаватель расправился с двоими. Один лежит в сугробе и не двигается, второй сидит на снегу, держась за разбитое лицо, и тихо скулит. Не знаю, чему его учили в его молодости, но Шукшин дерется отлично. И только Димас еще держится, он поднимается, отряхивается, и в его руке блестит нож.

Я не раздумывая ударяю его со спины по голове. Димас оседает на снег, выронив нож, глаза закатываются, он обмя-

кает.

— Золотарева, мать твою, — рычит Шукшин, — Что ты здесь вообще делаешь?!

Шукшин явно под действием адреналина. Это видно по его напряженным плечам, по тому, как он сканирует взглядом темноту в поисках новых угроз. Он выглядит опасно и как-то по-мужски. Я не могу отвести от него взгляд. Может, это шок и я под стрессом вижу всякое? Но сейчас, в свете тусклых фонарей с разбитой губой он кажется мне кем-то другим. Не преподавателем. Не сухарем. А мужчиной, который способен защитить.

Мужчина проверяет пульс у лежавшего Димаса, у которого на затылке сочится кровь. Тот не двигается, и на секунду мне становится страшно — а вдруг я его убила?

— Живой, — констатирует Шукшин, — Отделается сотрясением. Надеюсь, урок пойдет ему впрок. Вызвать полицию действительно не помешало бы, — он подходит ко мне, забирает свой телефон с разбитым экраном, что-то нажимает и смотрит в него, щурясь, — Чтобы неповадно было таким проворачивать. Но потом будет куча бумаг, объяснений, допросов, протоколов. А у меня дочь одна дома, и у меня нет времени на всё это.

Он отходит, быстро щелкает телефоном, фоткает этих уродов с разных ракурсов. Видимо, на случай, если полиция всё же понадобится.

— Так что пойдем, — он разворачивает меня за плечи

и подталкивает в спину, — Где твоя куртка? Ты же не без верхней одежды здесь оказалась?

— Не знаю, — говорю, оглядываясь, — Где-то у того входа, там, где они меня схватили. Но они ее порвали, когда вырывалась.

Я оглядываясь, желая убедиться, что нас не преследуют.

— Хорошо, что рука у тебя не тяжелая. Хотя удары бутылками могут быть крайне опасными.

Киваю, но представляю, что эти трое могли со мной сделать, если бы Шукшин не помог мне. Что они задумали, когда оттеснили меня в беседку. Что могло бы случиться, если бы я осталась с ними наедине. Мерзость. И мне совершенно не жаль их. Ни капли. Ни чуточки. Они это заслужили.

— Где вы так научились драться? — спрашиваю, пока мужчина снимает с себя свою спортивную куртку. Простую черную толстовку с капюшоном, немного поношенную.

— Молодость была беспокойная, — скупко отвечает, помогая мне ее надеть, натягивая капюшон на голову. Его пальцы касаются моих щек, и я краснею. И не понимаю — от холода или от смущения.

Я смотрю на него во все глаза. Меньше всего ожидала, что он мне поможет. И что вообще встречу его здесь.

— Вы живете где-то рядом?

— Да, — коротко отвечает, — Тебе повезло, что я вышел на пробежку.

— Не то слово, — выдыхаю, — Если бы не вы...

— Пойдем, что ты еле плетешься?! — он торопится уйти, но оборачивается на меня, не успевающую за ним.

— Нога очень сильно болит. Наступать больно.

— Они ударили тебя?

— Подвернула, когда убегала от них.

Я показываю ногу с болтающимся каблуком на сапогах. Меня начинает знобить крупной, противной дрожью, от которой стучат зубы.

— Так, отставить, — замечает он ухудшения моего состояния, — Помнишь номер кого-нибудь, кто мог бы тебя забрать? Родители? Парень? — перечисляет он.

— Мы сегодня расстались, — зачем-то выпаливаю ему, — А отцу лучше не видеть меня в таком состоянии. Он меня сам добьет.

— И будет прав, — роняет Шукшин.

Сама знаю. Что убежала от Марка — ни одного сожаления. Не жалею, что бросила кольцо ему в лицо, а вот что сглупила — да. Нужно было дожидаться охранника и вызвать нормальное такси. А не с этим козлом, что забрал тысячу и отказался везти куда следует.

— Ладно. Пойдем. До дома недалеко, но с такой ногой ты час будешь идти. И замерзнешь окончательно.

Он подхватывает меня неожиданно на руки и я замираю, прижимаясь к его груди, чувствуя тепло его тела и вдыхая его аромат. Как же он приятно пахнет. Или это у меня уже что-то с головой? Меня всегда злило, если Марк лез обниматься

после тренировки. А тут мне хочется прижаться теснее.

Мы останавливаемся около обычной серой пятиэтажки.

— Вы здесь живете? — спрашиваю, когда он выпускает меня с рук. Я тут же ёжусь, потому что его тепло уходит, и холод возвращается, пробираясь под куртку. Обнимаю себя за плечи, пытаюсь удержать остатки тепла, но ветер все равно продувает насквозь.

— Да, не элитный поселок, — Шукшин протягивает руки ко мне и ныряет в карман куртки, доставая ключи.

Он произносит это нейтрально, без обиды, но я чувствую себя неловко. Как будто он прочитал мои мысли — те самые, которые крутились у меня в голове, когда Карина говорила, что его корыто дешевле ее сумочки.

— Я не это имела в виду, — тушуюсь, отводя взгляд. Но вру. Потому что на самом деле так подумала. Сразу вспомнился наш разговор на вечеринке про оклады преподавателей в нашем универе, про то, что его зарплаты не хватит даже на приличный ужин в ресторане. Я чуть не ляпаю вопрос об этом — сколько он получает, хватает ли на жизнь, но вовремя прикусываю язык.

Лифта, конечно, здесь нет, но хорошо хоть его квартира на втором этаже. Я хромаю за ним, держась за перила. Каждый шаг отдается болью в щиколотке, но я терплю. Стараюсь не охать, не жаловаться.

— Не шуми, — оборачивается он, — У меня дочь уже спит. Не хочу, чтобы она проснулась и увидела... это всё.

Он обводит рукой меня — растрепанную, грязную, с разбитыми коленями и красными от слез глазами. А я и не знала, что у него есть ребенок. Все только и говорили про то, что он вдовец, что его жена умерла.

Я чувствую себя как-то странно, стоя в его подъезде, в его куртке, будто вторгаюсь в чужую жизнь. Еще вчера мы с девочками планировали как удобнее к нему подобраться, а тут судьба все сделала сама.

Он открывает дверь. Квартира встречает полумраком, горит только свет в коридоре. Я делаю несколько шагов внутрь, оглядываюсь.

— Скудненько тут у вас, — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

— Ванна вот тут, — он открывает дверь недалеко у входа, игнорируя мое высказывание.

Идиотка! Несу что ни попадя! Дура!

— Давай свой телефон, поставлю его на зарядку, — он протягивает руку, и я послушно отдаю ему свой мертвый гаджет.

Вешаю ее куртку к остальным, сажусь на пуфик в прихожей, стягивая ботинок. Растираю ушибленную ногу, пока мужчина ушел проверять ребенка.

Захожу в ванную. Здесь все чисто, но тесно. Весьма лаконично — никаких излишеств, которые есть в нашей квартире. Простая белая плитка, зеркало в пластиковой рамке,

обычная сантехника. Мужской шампунь два в одном с гелем для душа. Рядом три детских розовых флакона: пена для ванны, шампунь с единорогами и кондиционер. А на полках лежат резиновые игрушки для купания. Про себя отмечаю, что женских принадлежностей здесь нет, значит, постоянной женщины в доме нет.

Я стягиваю платье. Бросаю его в стиральную машинку. Ставлю на быстрый полчасовой режим, нажимаю кнопку пуска. Я остаюсь в одних кружевных трусиках, даже без бюстгалтера, ведь его заменяли вставные чашечки, которые были вшиты в платье.

Смотрю на себя в зеркало: от дорогого макияжа не осталось и следа. Тушь размазалась под глазами темными кругами, тональный крем сбился в неровные полосы, помада стерлась, оставив только сухость на губах. Укладка растрепалась. Выгляжу ужасно. Я умываюсь теплой водой, смывая разводы туши, остатки тональника. Лицо становится чистым, я трогаю пальцами скулы и они кажутся мне слишком острыми, а кожа слишком бледной.

Слышу тихие шаги за дверью, но даже не спешу закрыть дверь на замок. Мне не страшно, если он заглянет. Более того, меня охватывает странное желание, чтобы это произошло. Низ живота тянет, а грудь словно тяжелеет, я закусываю губу от нахлынувшего желания выйти к своему преподавателю.

Забираюсь в ванну, обмываюсь теплой водой. Сразу ста-

новится легче, но желание не уходит. Жар разливается по телу, и я понимаю, что не хочу останавливаться. Я вытираюсь полотенцем и ищу, во что бы переодеться. Платье в стирке, своего ничего нет. Мой взгляд падает на полотенцесушитель.

На нем висит белая рубашка. Я без спроса беру ее и надеваю. Утопаю в ней, закатываю рукава, но на пуговицы не застегиваю.

Я так и выхожу — в своих черных кружевных трусиках и его белой рубашке. Босиком, волосы мокрые, щеки горят.

— Ты все? — мужчина оборачивается. В руках у него пластырь и какой-то крем, он замирает, явно шокированный моим видом.

Меня буквально тянет к нему.

— Сергей Романович... — выходит хрипло.

Ну а что? Марку можно изменять? Он проводил время с другими, пока я строила из себя идеальную невесту. А тем более я теперь свободная девушка. Никакого кольца, никаких обязательств. Могу делать, что хочу. С кем хочу. И я хочу с ним.

— Женя, — прошу я, перехватывая мужскую руку, прижимая его ладонь к своей щеке. — Называйте меня Женя. Я в порядке, — заглядываю ему в глаза, сглатывая от волнения, засматриваясь в глубину его темных глаз.

— У тебя явный откат, — он не отнимает руку, но и не приближается, не притягивает меня к себе, как мне хотелось бы. Чтобы его ладони заскользили по коже, забираясь под

рубашку, — Тебя чуть не изнасиловали, и ты вдруг захотела близости. Весьма странно.

ГЛАВА 8

СЕРГЕЙ

А как хорошо прошел выходной и как так получилось, что у меня в квартире оказалась моя полуголая студентка, которая неожиданным образом возжелала меня. Уверен, что ее поведению есть логическое объяснение. Не потому что я такой привлекательный, а потому что психологию никто не отменял. Когда человек переживает экстремальный стресс, его нервная система перегружается адреналином и гормонами страха. После минования опасности организм иногда пытается перезагрузиться самым прямым способом — через иную сильную эмоцию, в данном случае — желание. Это своего рода аварийный механизм, который стирает ужас пережитого или «затирает» его новой телесной памятью.

Похоже, это именно то, что происходит с Золотаревой. Она не хочет меня, а хочет заглушить панику, адреналин, унижение. И использует меня как инструмент, как лекарство, как способ вернуть контроль над собственным телом.

Но я не собираюсь быть этим лекарством. Пора отправить ее домой. Усадить в такси и вернуть отцу, который, судя по ее словам, накажет ее. И будет прав. Я бы и сам наказал на его месте. Прочитал бы долгую, серьезную лекцию о том, как нельзя рисковать своей безопасностью, и для закрепления эффекта отходил ремнем по заднице, ищущую приключе-

ний. Нельзя бродить одной ночью по паркам в коротких платьях и на каблуках, нужно думать о последствиях. А вдобавок запер бы дома на неделю — чтобы прочувствовала.

Я не хотел бы, чтобы подобное случилось с моей дочерью. Одна мысль об этом вызывает негодование. Алиса еще маленькая, но время летит быстро, и кто знает, через что ей придется пройти. И тем более я не хотел бы, чтобы кто-то воспользовался ее уязвимостью.

Ведь это зеркальный стокгольмский синдром в действии! Когда жертва путает спасителя с объектом влечения, когда благодарность перерастает не в то, во что должна. Я не хочу быть тем, кто злоупотребит этим состоянием. Даже если она сейчас смотрит на меня глазами, полными желания, завтра она проснется с чувством стыда и отвращения к себе и ко мне. А я не хочу добавлять еще один пункт в список своих ошибок.

Я и сам после драки чувствую прилив крови и возбужденность. Я не дрался со студенческих времен. Но я взрослый мужик и могу это контролировать. Давно научился не поддаваться импульсам и думать головой, а не другим местом.

— Со мной все в порядке, — говорит она, сама не понимая свою реакцию и не соглашаясь с моими словами. Перехватывает мою руку, прижимаясь к моей ладони щекой. Ее кожа горячая и чуть влажная после душа, пахнет моим гелем и еще чем-то сладким, девичьим. Я чувствую, как она дрожит, и только поэтому не отталкиваю резко.

Или же она таким способом решила отомстить своему парню? Кто знает, что в голове у молодежи. Я давно перестал пытаться понять их мотивы. Но в этом участвовать не желаю.

Надела мою самую дорогую рубашку, в которой я принимаю экзамены. Символ моей академической строгости на свое обнаженное тело. Она даже не застегнула пуговицы. Со всем не стесняется. Или, наоборот, слишком хорошо знает, что делает. Смешивает несмешиваемое — строгость и откровенность, запретное и доступное, приводя в реальность невозможное. Ни при каких обстоятельствах моя студентка не могла быть здесь и сейчас в таком виде. Не у меня дома. Не в моей рубашке. Не с этим взглядом. Мир сошел с ума.

— Папа? — раздается Алисин голос со стороны детской. Черт! Только этого не хватало. Все же разбудили.

Я отстраняюсь от девушки, которая переводит внимание на дочку.

— Это кто? — спрашивает малышка, рассматривая нашу незваную гостью с любопытством.

— Никто, малышка. Просто моя студентка, — подхожу к дочке, подхватывая ее на руки, — Ты чего проснулась? Что-то приснилось?

— Да. Побудешь со мной?

— Конечно.

— А тетя? — выглядывает снова, смотря на девушку.

Золотарева принимается застегивать пуговицы и подходит к нам. Мне совершенно не нравится, что она хочет заго-

ворить с моей дочкой. Раздражение усиливается.

— Привет. Меня Женя зовут, — она улыбается, заправляя прядь за ухо.

— Так зовут мальчика из моей группы, — сонно отвечает ей дочь.

— Это универсальное имя. Хороший мальчик?

— Нет, — Алиса мотает головой, — Хулиган. Вечно дерется и дергает меня за косички. Маша говорит, что он хулиган потому, что его мама не учит, но у него есть мама, просто он глупый.

— Это оттого что ты ему нравишься, — мягко говорит Золотарева, — Мальчики часто обижают тех девочек, которые им нравятся.

Алиса хмурится, обдумывая эту информацию. В её маленькой головке явно происходит какая-то сложная работа.

— Найди в шкафу что-то другое, — перебиваю Золотареву, — И телефон твой должен был немного зарядиться, — намекаю, что пора бы покинуть мой дом. Она явно мой намек поняла, закусила недовольно губу.

— Спокойной ночи, — машет она рукой малышке, когда я уношу ее в спальню.

— Спокойной ночи, — отвечает Алиса, зевая.

— Почему тетя Женя так поздно у нас в гостях?

— На нее просто напали хулиганы и я помог ей, — укладывая Алису в кроватку, сажусь рядом на стул.

— Ложись рядом и почитай мне, — просит Алиса.

Знаю, что если дочь проснулась, то засыпает она только под чтение.

Так что выхода нет.

Спустя полчаса аккуратно выбираюсь, гашу ночник и выхожу от нее, надеясь, что Золотарева все же уже уехала, звала такси и покинула мою квартиру. Но нахожу девушку спящей на диване в гостиной. Под головой маленькая подушка, она все также в моей рубашке, даже не подумала переодеться во что-то другое. Поджала свои длинные ноги, будто ища тепла, демонстрируя мне свою пятую точку в кружевном белье.

Обреченно вздыхаю. Достаю из шкафа плед и накрываю им девушку.

Господи, какая же это всё неправильная ситуация.

Она заворочалась, шумно выдохнула, но не проснулась.

— Дурацкая ночь, — шепчу, уходя к себе в комнату. Долго лежу на спине, смотря в потолок. Сон долго не идет, но усталость все же берет свое и я, наконец, засыпаю.

ГЛАВА 9

ЖЕНЯ

Я все прокручиваю в голове отказал бы мне мужчина, если бы его дочь не помешала нам. Похоже, он не расценил мое эффектное появление правильно, списал все на последствия адреналина, бушевавшего в крови.

Но разве адреналин это плохо? Секс во время примирения после ссоры горячее и острее... Я буквально была как оголенный нерв, кожа жаждала его прикосновений, а он лишь дотронулся до лба... меня и то пробило током. Хотелось скинуть его рубашку, переместить руки на правильное место и накрыть его губы, запечатать все протесты и возражения...

Было мне стыдно от своих желаний? Странно, но нет. Может, потому что я устала притворяться хорошей девочкой. Или оттого, что внутри меня проснулось что-то темное, запретное, что раньше дремало. Может, потому что я просто хотела почувствовать себя живой — после страха, унижения, после всего этого кошмарного вечера.

У меня никого не было, кроме Марка. Я ни разу не изменяла ему, даже когда подруги говорили, что это нормально, что все так делают, что «гулянка» укрепляет отношения. Я была верной. Я была правильной. А он менял меня на каких-то девиц, которые, по его словам, сосут паршиво.

Просто я чувствовала, что хочу этого. Здесь и сейчас. Я была готова отдаться своим ощущениям, позволить себе быть ведомой ими.

Аромат мужчины проникал в легкие и будоражил.

Я не легкодоступная. Не ветреная. Не из тех, кто прыгает в постель к первому встречному. Но мне было это необходимо — почувствовать себя желанной, нужной, красивой. А вместо ответа я ударилась на полном ходу в стену равнодушия и прямой намек, что мне пора домой.

Это больно... и признаться, болезненно для моего женского самолюбия

А потом я вспомнила кто передо мной – неприступный холодный мужчина, который держит дистанцию со своими студентками. Его принципы столкнулись с моими желаниями. Но мы были не в университете, и это меняло правила.

Я спрятала уязвленную гордость подальше к дремавшей уже там совести, и даже не включила телефон. Не хотела видеть пропущенные от бывшего жениха или от отца. Все разборки я оставляю на потом, на завтра. А сейчас я в доме одинокого привлекательного мужчины и собираюсь здесь остаться до утра. Рядом с ним я почувствовала себя защищенной. Не от охраны, а от мужчины, который умеет драться, который пришел на помощь. И, возможно, мне поэтому не страшно так дерзко вести себя.

Сергей Романович уходит с дочкой. Прекрасная малышка. У нее папины глаза. Я раньше не особо любила детей,

брат меня постоянно злил и раздражал, а она своим милым сонным личиком вызвала волну умиления. Может, это оттого, что я всегда в воображаемом будущем хотела себе дочку, а не сына.

Жду мужчину, а он все никак не выходит. Тишина в квартире давит. Я даже чуть приоткрываю дверь в детскую, чтобы убедиться не заснул ли он там. Но он лежит с дочкой на кровати и читает ей сказки. Его спокойный, убаюкивающий голос доносится из полумрака, и я замираю у двери, слушая.

Мой отец мне их никогда не читал.

Я закусываю губу, отхожу от двери. Чем-то приходится расплачиваться за красивую жизнь и количество денег на счете. У меня было всё: игрушки, лучшие игровые зоны, масштабные праздники с аниматорами, поездки на море, брендовая одежда. Но вот так мне на ночь сказки не читали. Ни отец, ни, что странно, ни мама.

Я сажусь на диван, оглядываю еще раз простую обстановку. Старый торшер в углу, обычные зеленые занавески, высокие книжные шкафы. На журнальном столике детские рисунки, фломастеры, пластилин.

Сама не замечаю, как проваливаюсь в сон, так и не дождавшись его.

Мне спится спокойно, но постоянно холодно. А еще тесно, так как мало места, я привыкла раскидываться на всю кровать чуть ли не по диагонали, а здесь диван узкий, жесткий, и я все время съезжаю к краю.

Просыпаюсь из-за этого. Сначала не понимаю, где я. За окном еще темно, только фонари горят тускло, отбрасывая желтоватые круги на шторы. Я тру глаза, сажусь.

Включаю телефон, чтобы посмотреть время. Вспышка света режет глаза. Семнадцать сообщений от Марка. Удаляю, даже не читая. Мне все равно, что он там написал. От родителей ничего нет, значит, Марк с ними не связывался, уже хорошо.

Шесть десять. Совсем утро. В квартире тишина, только холодильник гудит где-то на кухне. Я по-прежнему в мужской рубашке, босиком, растрепанная. И накрыта пледом. Он не разбудил, не выгнал, а укрыл...

На лицо сама набегает глупая улыбка от такого простого, почти незаметного заботливого жеста.

Кошусь на дверь его спальни. Если бы я пошла и забралась в его постель — это было бы совсем верх неприличия? Утром мужская физиология куда отзывчивее.

Но не успеваю я принять решение, как слышу шорохи в ванной.

Тихонько встаю и иду на цыпочках, прислушиваясь.

Слышу тихий шум воды. Приоткрываю чуть дверь и вижу его.

Мужчина стоит ко мне спиной, под душем. Вода стекает по его коже — широкие плечи, узкие бедра, крепкие ягодицы. Я не могу оторвать взгляд. Капли скользят по позвоночнику, по лопаткам, сбегает ниже, туда, куда я стараюсь не

смотреть, но смотрю.

Мне хочется самой провести ногтями по его спине, почувствовать его кожу под пальцами, ощутить, как он вздрогнет от моего прикосновения.

Но еще минуту назад такая смелая, я робею. Щеки горят. На меня нападает смущение. Я закрываю дверь и прижимаюсь спиной к стене, слушая свое гроыхающее сердце.

Возвращаюсь на диван, свернувшись клубком. Имитирую сон, складываю руки под щекой, закрываю глаза, стараясь дышать ровно. Когда дверь ванной открывается, я слышу его шаги, почти бесшумные, но я улавливаю каждое движение. Чуть приоткрываю глаз, хочу наблюдать, как он пройдет мимо.

Но вместо этого слышу тихий хлопок входной двери. Он ушел?

Но проходит минут пятнадцать и он возвращается, что-то кладет на столик около меня и идет на кухню.

— Вы всегда так рано встаете? — спрашиваю его тихо.

— Да, чтобы спровадить пораньше непрошенных гостей.

Удар ниже пояса. Я чувствую, как обида поднимается горячей волной, но заставляю себя улыбнуться. Не показывать, что задела.

Встаю, смотрю что он купил и удивляюсь. Повязка на ногу при растяжении.

А ведь действительно нога опухла в районе щиколотки. Я смотрю вниз и только сейчас замечаю, что на ней красу-

ется фиолетово-багровый синяк, а полноценно наступать на ступню больно.

Я беру ее и следую за мужчиной на кухню. Он открывает шкафы, достает посуду, не глядя на меня. На нем темные футболка и домашние штаны.

— Ты так и будешь ходить у меня дома полуголой или уже переоденешься?

— Вам не нравится?

— Что мне должно нравиться? — отвечает резко, но не отрываясь от дела.

Он достает муку, насыпает ее в глубокую миску, заливая молоком... Добавляет две ложки сахара... Мешает тесто, и я слежу за его руками, как замороженная.

— Вы готовите?

— А на что похоже? — он хмурится, а в голосе проскальзывает раздражение, — Евгения, Алиса проснется полдевятого, будь добра собраться и уехать домой. Можешь, что-то взять из моей одежды.

— Я закажу доставку из бутика. Но все работает с десяти. Придется вам меня еще немного потерпеть.

— Хотя бы сними мою лучшую рубашку.

— Прямо снять? — принимаюсь расстегивать пуговицы, но останавливаюсь под его строгим взглядом.

— Я к ней уже привыкла. Вкусно пахнет.

Он молчит. Смотрит на меня несколько секунд, потом отворачивается к плите. Наливает тесто на раскаленную ско-

вороду — оно растекается и шипит, наполняя кухню приятными ароматами.

— Может, вам помочь? Я, правда, никогда не жарила блинчики... Но может, что-то заказать лучше?

— Не лучше, — отрезает коротко, не оборачиваясь, — Займись лучше ногой.

Распаковываю повязку — эластичную, белую, с липучками, — кручу ее в руках, рассматриваю. Кажется, я даже не видела такие вещи вблизи.

— Вы когда-нибудь надевали подобную штуку сами? — спрашиваю я, поднимая на него глаза.

— Конечно, — он переворачивает блин ловким движением.

— Что, просто намотать? — пытаюсь зафиксировать бинт на щиколотку, но он сбивается, у меня не получается.

— Именно, — он бросает взгляд на мои беспомощные попытки, — Носки-то ты надевать умеешь?

— Да вы мистер сарказм прямо, — бормочу, сжимая повязку в руках, — Может, лучше поможете?

— Я, как видишь, занят.

— Я подожду.

Я сижу на маленькой кухне и чувствую себя удовлетворенной.

Ладно, вру. Не полностью. Если бы я могла подойти на цыпочках к этому мужчине, обнять его со спины, прижаться щекой к его широкой спине и поцеловать в шею, вот тогда

бы я, наверное, почувствовала удовлетворение. Мои ночные желания не пропали и не выветрились вместе с адреналином. Они затаились, притихли, но никуда не делись. Они сидят и ждут своего часа.

Но вместо этого я просто сижу и смотрю, как мужчина готовит мне блинчики. Что может быть сексуальнее? Ладно, не мне, а дочке. Мне они достанутся за компанию. Но у меня уже полный рот слюней от витающего на кухне аромата. И от самого блюда, и от производящего этот аромат мужчины.

Так что я терпеливо жду, когда он закончит, и накормит меня, и заодно поможет с ногой. Конечно, я бы справилась сама, но мне хочется, чтобы он ко мне прикоснулся. Почувствовать, пробежит ли та самая искра по коже, как ночью. Проверить, не померещилось ли мне это тепло, этот ток, эта дрожь, когда его пальцы коснулись моего лба.

Сергей Романович увлеченно продолжает делать вид, будто меня здесь нет. Он сосредоточенно переворачивает блины, следит, чтобы они не подгорели, складывает их ровной стопкой на тарелку. Но я не обижаюсь. Не могу обижаться, когда внутри меня плещется это странное, сладкое, пьянящее чувство. Я словно опьяненная без единого грамма алкоголя в крови. Запах блинов и его обнаженные картинки в голове... Вода, стекающая по его ягодицам, капли на позвоночнике, изгиб спины... всё это смешивается в какой-то головокружительный коктейль, от которого кружится голова и сладко замирает сердце.

— Золотарева, с тобой всё нормально? — всё же спрашивает он, видимо, я совсем уплыла в своих фантазиях. Мой взгляд застыл, рот приоткрыт, и я не отвечаю на его вопрос несколько секунд, потому что не сразу до меня доходит смысл слов.

— Нога болит, — говорю тихо, закусывая щеку изнутри, чтобы не ляпнуть что-то еще более глупое.

Зря я таким напором. Знаю, что мужчины сами охотники, они не любят, когда их добиваются. Им самим нужно чувствовать процесс погони, азарт, вкус победы. И тогда «добыча» намного желаннее. Я знаю это, но я ничего не могу с собой поделать. С Шукшиным это не сработает. Он вообще неприступная скала, и если я ничего не предприму, так ею и останется. А я буду мимо проплывать, как все остальные студентки. Но я не желаю быть как остальные.

Мужчина вздыхает, доготавливает последнюю порцию, укладывая ровные блинчики к остальным. Он выключает плиту, вымывает руки и подходит ко мне, забирая повязку из моих рук.

— Ничего сложного... — бормочет он, разворачивая бинт.

— Для вас.

Я протягиваю ногу вперед, к нему, почти касаясь его штанов. А так хочется провести по его бедру вверх, ощутить ткань, а под ней — мышцы. Но я сдерживаю себя. Я правильная девочка. Я закусываю губу и замираю.

Он чуть наклоняется и принимается обматывать повязку вокруг ноги, крепко фиксируя. Он что-то говорит про то, как правильно, про то, чтобы я не перетягивала, про то, что если будет больно, нужно поправить. Но я не чувствую его слов, как не слышу его вопроса. Я вся сконцентрирована на его касаниях к моей коже. Теплые пальцы, уверенные движения, легкое давление... каждый миллиметр моей ноги, которого он касается, горит. Кажется, я даже чувствую его дыхание на своей коже — горячее, ровное, совсем близко.

— Не давит? — переспрашивает он, поднимая голову и смотря на меня.

Киваю. Не потому что не давит, а потому что не могу говорить.

— Давит? — уточняет он, хмурясь. Наверное, мой вид его беспокоит. Или он думает, что мне больно.

Давит. Но в груди. Что-то распирает изнутри, мешает дышать, заставляет сердце биться чаще. Я не знаю, как это объяснить. Он что-то там снова поправляет, ослабляет, проверяет, и потом отстраняется.

— Сергей Романович... — говорю хрипло, — Вы же свободный мужчина?

— Это не твое дело, Золотарева. То, что ты здесь оказалась, — случайность, и не дает тебе право лезть в мою жизнь.

Словно ушат ледяной воды выливает на меня, приводя в чувство. Я вздрагиваю, отвожу глаза. Мне становится стыдно за свою настойчивость.

— Я и не лезу, — бормочу я, чувствуя, как горят щеки.

— Вот и не спрашивай ничего лишнего.

— Можно вас хотя бы поблагодарить? — тихо спрашиваю.

— Слов будет достаточно, — отрезает он.

Я встаю, слезая со стула, проверяю повязку. Нога зафиксирована хорошо, можно ходить. Делаю шаг, другой. Почти не хромаю, повязка сидит удобно.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— И за вчера... — я делаю шаг к нему ближе, почти вплотную, — Если бы не вы...

Я не договариваю, но мы оба знаем, что было бы. Он прищуривается, замирает, видимо, ожидает подвоха. И он есть. Потому что я не могу удержаться. Потому что внутри меня всё кипит. Потому что благодарность и желание смешались в один тугой, горячий комок, который требует выхода.

Я целую его в щеку — быстро, легко, почти невесомо, — прежде чем он успевает схватить меня за плечи и отстранить.

— Рыцарю, спасшему принцессу, полагается поцелуй... — говорю я, глядя ему в глаза.

— И полцарства в придачу, — раздается за спиной детский голос.

— Привет, — оборачиваюсь, здороваюсь с малышкой, улыбаясь.

— Доброе утро, — отвечает девочка, — Что вы делаете?
С папой в принцессу и рыцаря играете?

— Да, твоему папе подходит эта роль.

— Алис, пойдем-ка зубы чистить и умываться, а потом завтракать, — Шукшин берет дочку за руку и уводит в ванную.

А когда они возвращаются, то малышка расчесанная, с аккуратным хвостиком, и в красивом голубом платье, важно садиться рядом со мной.

— А ты почему не одета?

— Мои вещи вчера украли хулиганы.

— Твое платье, кстати, высохло, — мужчина протягивает мне его, — Иди переодейся.

Я быстро переодеваюсь, смотрю на себя в зеркало: тоже мне соблазнительница: растрепанная, без косметики... отекающая от вчерашних слез.

А когда возвращаюсь к ним, то аромат кофе окончательно добивает меня.

Алиса сидит кушает блины, запивая их чаем, макая в сгущенку, а ее отец стоит и у плиты и варит кофе.

— Можно и мне кофе? — сажусь рядом с девочкой, не отрывая глаз от мужчины.

Он еще и кофе варит... Нет, я непременно хочу себе такого мужчину. Хотя раньше вообще на это не обращала внимания, ведь можно просто заказать. Но здесь что-то иное. Новое, неизученное, манящее. Я чувствую себя первопроход-

цем, который открыл новый континент, о существовании которого даже не подозревал. Или будто меня чего-то раньше лишили и вот только сейчас я это обрела.

Кончики пальцев зудят, мне хочется коснуться его, дотронуться, убедиться, что он настоящий. В груди странное давление, оно распространяется по всему телу, оседая тяжестью внизу живота. Хочется свести ноги сильнее, сжать бедра, унять эту пульсацию. А потом давление взрывается и словно бабочки порхают в животе, поднимаются вверх, к сердцу, к горлу, и голова накрывается эйфорией. Пузырьки шампанского щекочат изнутри, вызывая улыбку.

Он ставит передо мной чашку с кофе. Темный, густой, ароматный. Я делаю глоток и закрываю глаза.

— Вкусно, — шепчу я, и это правда. Самый вкусный кофе в моей жизни.

ГЛАВА 10

ЖЕНЯ

От Шукшина я уехала на такси в половину одиннадцатого. Он с облегчением выдохнул.

— Спасибо, Сергей Романович, — еще раз поблагодарила мужчину напоследок, он в ответ просто кивнул, — Пока, Алиса, — попрощалась и с малышкой.

— Ты еще придешь к нам? — спросила она.

— Обязательно, — самонадеянно ответила, эгоистично прикрываясь ребенком, чтобы у меня была возможность вернуться, — Что ты любишь? Что тебе купить?

— Золотарева, тебе пора, — не дал нам договорить Шукшин, он не хотел, чтобы я давала обещания его дочери.

— До свидания, — помахала им рукой, улыбаясь.

Домой не хотелось, но выбора особо не было. Радовало, что завтра в университет, и, быть может, мы там встретимся. Как минимум — выберу день для отработки.

— Женя, — остановил меня отец, когда я кралась по лестнице в свою комнату, — Что происходит?

— А что происходит?

— Приходил Марк. Искал тебя. Ты же у него вчера осталась?!

— Свадьбы не будет, — заявила твердо отцу, без грамма колебаний, чтобы понял, что я абсолютно серьезно. Что это

не каприз, не истерика, а решение, которое я приняла осознанно.

— Не понял, — отец нахмурился, — Ты в своем уме? Мы только вчера все обсудили.

— Вчера было вчера, — я спустилась на несколько ступенек вниз, чтобы быть с ним на одном уровне, — Обсуждать — не значит выполнять.

— Это как у тебя легко всё, — отец раздраженно усмехнулся, — Захотела — отменила. Пора взрослеть, Женя. Взрослые люди несут ответственность за свои слова и поступки.

— Вот я и повзрослела, — я скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри поднимается волна злости, — И сама принимаю решения за свою жизнь. Мне не нужен муж, который изменяет мне налево и направо.

— И слушать этот бред не хочу, — отец повысил голос. — Семья Богачевых — это серьезные люди. Мы дали слово.

— Вот и ведите свои дела спокойно, — я развернулась, собираясь уйти, — Не вмешивай меня.

— Такие объекты просто так не делаются. Подобное слияние возможно только при семейном бизнесе. Это не просто каприз, это — стратегия.

— Пап, я не выйду за Марка.

— Выйдешь, как миленькая, — рявкнул отец. — Я не позволю тебе позорить нашу семью. Если дали слово — мы его держим. Никак иначе. Ты — дочь Золотарева, и ты будешь

жить по правилам нашей семьи.

— Я не проект! — сорвалась на крик, — Я твоя дочь! Со своими чувствами и желаниями! А не пешка в твоих бизнес-партиях!

— Что тут происходит? — к нам спустилась мама, привлеченная повышенным тоном беседы.

— Наша дочь обезумела, — отец кивнул в мою сторону, — Заявляет, что свадьбы не будет.

— Женя? — мама посмотрела на меня недоуменно.

— Мы расстались с Марком, — повторила я, чувствуя, как голос дрожит.

— Вы опять поругались вчера? — мама вздохнула, как будто речь шла о мелкой ссоре, которую можно уладить за ужином.

— В этот раз последний. Я не собираюсь связывать свою судьбу с этим человеком.

— Милая... — мама сделала шаг ко мне, протянула руку.

— Марина, хватит с ней церемониться, — перебил ее отец, — Она, похоже, сама не знает, что ей надо. Избалованная девчонка, которая не понимает, как устроен мир.

— Да, ты лучше знаешь что мне нужно! — закипала я все сильнее, — Ты всегда знал! Машина, квартира, муж, бизнес. И плевать, что я чувствую!

— Я знаю, — отец повысил голос, перекрывая мой, — О таком муже, как Богачев, можно только мечтать. Ты отказала Раевским — я не стал возражать. Что теперь не так? Ты

решила потрепать мне нервы?!

— Женья, Миша... давайте успокоимся и поговорим спокойно, — мама попыталась вмешаться, встать между нами.

— Я спокойна, мама, — я сделала шаг назад, к лестнице. — Абсолютно спокойна. И у меня есть мужчина. Пусть ваш Марк катится на все четыре стороны, раз не умеет свой член держать в штанах.

В комнате повисла тишина. Мама замерла с открытым ртом. Отец побагровел.

— Какой еще мужчина?! — взревел он, — Мужчина? Ты...

— Настоящий, — перебила я его, — Который меня ценит и не станет изменять. Который не смотрит на меня как на вещь. Который...

Я недоговорила. Развернулась и направилась к себе, чувствуя, как ноги дрожат. Сама не знаю, зачем сказала про мужчину. Наверно, чтобы уже наконец оставили меня в покое.

— А ну, стоять! — крикнул отец, но я и не подумала останавливаться.

— Марина, ты знала? — донеслось снизу. — Кто он? С кем она связалась? Вот откуда ветер дует... Кто ей мозги промыл?

— А ну, иди сюда! — рявкнул отец еще раз, но я уже заперлась в своей комнате.

Внизу еще слышался шум — отец все никак не успокаив-

вался. Его голос то повышался, то затихал, и я слышала, как мама что-то говорит, пытается его унять.

Но я была готова к скандалу. Ничего другого я от него не ждала. Он всегда был таким, когда что-то шло не по его плану, когда я не оправдывала ожиданий. Но сдаваться я не собиралась. С Марком всё кончено!

Из своей комнаты я вышла после обеда, когда отец наконец-то сдался и отправился в офис заниматься тем, что у него выходило лучше всего — работать, а не детей воспитывать. Мама тоже устала меня ждать. Думаю, она все же не воспринимала мое заявление всерьез. Для нее это был очередной каприз, очередная вспышка, которая пройдет, когда я остыну. Но в этот раз всё было иначе.

Может, им бы и удалось меня убедить. Снова промыть мозги, надавить на совесть, объяснить, какая я плохая, не понимающая важности ситуации, эгоистичная девчонка, которая думает только о себе. Может, если бы не сегодняшняя ночь, я бы сдалась. Но после того, как я увидела, что такое обычная забота — не за деньги, не за статус, а просто потому, что человеку не все равно, во мне что-то щелкнуло.

Я тоже так захотела. Не бриллиантов, не яхт, не особняков на Рублевке. А чтобы меня укрыли пледом, когда я замерзла. Чтобы мне сварили кофе по утрам. Чтобы смотрели на меня не как на выгодную партию, а как на девушку. Живую, настоящую, со всеми моими дурацкими капризами и истериками.

Я спустилась на кухню. Обычно я здесь бываю крайне редко. В нашем доме кухня — это территория прислуги, а не место для семейных посиделок. У нас есть столовая для этого. Поэтому Ольга Николаевна, наша кухарка, которая работает у нас уже лет десять, удивилась, когда увидела меня на пороге. Она помешивала что-то в кастрюле и замерла с половником в руке.

Но еще больше женщина удивилась моей просьбе — научить меня готовить блинчики и оладушки. Помню, она как-то готовила оладьи в форме сердец. Мне захотелось научиться их готовить.

— Боже... — я забыла, что у меня руки в муке и испачкали лицо. После очередной неудачи, тесто прилипло к сковороде, комок подгоревшей массы отправился в мусорное ведро, я начала злиться. Вроде же ничего сложного... Мука, молоко, яйца, соль, сахар. Всего пять ингредиентов. А у меня не получалось. Тесто то жидкое, то густое, то комками, то пузырями.

— Женя, не расстраивайтесь, — Ольга Николаевна мягко забрала у меня венчик, — Если вы хотите оладьев, я приготовлю. Десять минут — и будет готово. Вы идите отдыхайте, я подам в столовую.

— Нет, — покачала головой, отодвигая миску к себе, — Мне нужно самой.

Она смотрела на меня с недоумением и, кажется, с легкой тревогой. Я никогда не проявляла такого упрямства на кух-

не. И вообще никогда не проявляла никакого интереса к домашним делам. Зачем, если есть прислуга? Но сейчас прислуга была не нужна. Мне нужно было сделать это самой. Своими руками.

Не знаю, почему я так загорелась этим. Сама же говорила, что можно было всё что угодно заказать. На Патриках в кафешке готовят такие пирожные, что любой мишленовский ресторан позавидует. Похоже, я схожу с ума.

— Спасибо, — поблагодарила кухарку.

— Неплохо для первого раза, — похвалила она мои “творения”, — Эта партия не подгорела.

Да, но мне нужно было идеально, чтобы... самой приготовить ему. Потому что зная этого мужчину, посредственный результат не привлечет его внимание. Это как получить тройку вместо отлично. Мне бы в самом деле учить предмет, чтобы не провалиться на экзамене, а не стоять у плиты с венчиком в руке.

С чего я решила, что непременно вернусь к нему в квартиру? Знала и все. Нагло? Да. Но разве за свое счастье не надо бороться?

Разве можно сидеть сложа руки и ждать, пока принц сам прискачет на белом коне? Мой принц не скачет. Мой принц стоит у плиты и печет блины для своей дочери. Мой принц ходит в небрендовых штанах и не берет взятку. И если я хочу быть с ним — я должна сделать первый шаг.

Марка я добавила в черный список, хотя и понимала, что

завтра в универе он меня найдет. Скривилась, общаться с ним не желала. Может, тоже сказать ему, что у меня другой и пусть катится? Вдруг сработает.

Еще вечером объявилась Карина, нервируя своим недомогательством. Конечно, после вчерашнего ее план я не собиралась реализовывать и подставлять Шукшина. Не после того, как он помог мне и спас от тех уродов. Но не стала ей об этом сообщать, чтобы быть в курсе того, что она задумала. Хотела успеть предотвратить катастрофу, если Карина решит действовать самостоятельно. Она импульсивная, а последствия у этой затеи могли быть ужасными.

Теперь у меня был свой план, но без четких инструкций. Буду действовать по обстоятельствам. А завтра попробую настроить подругу, чтобы и она выкинула все эту историю с домогательством из головы.

Сергей Романович один воспитывает дочку и это совсем мерзко, то, как мы собирались поступить. Ложное обвинение может разрушить не только его карьеру, но и затронуть малышку.

Я взглянула на него с другой стороны и поняла как мы были неправы. Осталось в этом убедить подругу.

И действительно, понедельник выдался очень насыщенным. Но все мои ожидания пошли прахом. Мои желания не совпадали с желаниями других людей. Интересы пересекались и никто не желал уступать. Вот же!

ГЛАВА 11

ЖЕНЯ

— Короче, я всё придумала! — Карина не дала мне и слова сказать, как вцепилась в мою руку и оттащила в сторону, подальше от потока студентов, которые спешили на первую пару.

— Что ты придумала?

— Я все выходные шерстила интернет и достала нейронку, но добила своёго.

— Ты о чем? — я сделала вид, что не понимаю.

— Джони, не тупи. О Шукшуне. Он у нас неприступный, значит, что?

— Что?

— Ты сегодня себя плохо чувствуешь? — Карина нахмурилась, вглядываясь в мое лицо, — ПМС начался? Ты какая-то заторможенная.

— Ничего у меня не началось. Выкладывай, что ты придумала.

— На тебя нападут, а он тебя спасет. Найдем пару парней. Они к тебе пристанут около универа, когда он будет мимо проходить. Ну, типа, угрожать будут, руки распускать. А он весь из себя герой вступится за тебя. Они ему подыграют — испугаются и убегут, или он их победит, неважно. Главное — ты к нему и подкатишь с благодарностью. Мол, спасибо,

вы мой герой, я вам обязана... — она мечтательно закатила глаза, представляя эту сцену, — Он растает, поверь. Ни один мужик не устоит перед девушкой, которую только что спас.

Я смотрела на Карину и не верила своим ушам. Ее слова звучали как бред сумасшедшего. План был до ужаса похож на то, что случилось со мной в парке. Мне казалось, что она как-то узнала про прошлую ночь и теперь просто разыгрывает меня. Проверяет. Хочет посмотреть на мою реакцию.

— Ну как тебе? Стопроцентный верняк. Я уже нашла ребят, они согласны за десять штук. Всё чисто, никто ничего не узнает. Сделают дело и уйдут в закат. Искра пробежит, и дело в шляпе.

Я не могла вымолвить ни слова. Она хотела повторить то, что случилось со мной, но уже по сценарию. Инсценировать нападение, чтобы Шукшин снова меня спасал. Но она не знала, что он уже спас. Не знала, что нападение было настоящим.

— Это какое-то безумие, Карин. Думаю это все глупости и лучше просто выучить его предмет и все сдать.

— Сдам. Да только не ему. Его ждет только месть.

— Думаю, это все плохая идея.

— А ты вдруг стала какая-то... правильная. Что с тобой случилось?

— Ничего. Я тоже думала выходные и пришла к выводу, что мы наживем себе проблем.

— Джони! — она не верила своим ушам, — Ты чего? Это

же идеальный план!

— Нет, — я покачала головой, — Это идиотский план. И если ты его осуществишь — ты пожалеешь.

— Я? Пожалее? — она усмехнулась, но в ее глазах мелькнула неуверенность, — Ты о чем?

— О том, что мы не знаем, чем это кончится. Найми ты этих парней, а они вдруг решат, что могут больше, чем просто попугать. Понимаешь? Один неверный шаг и потом нас затаскают. Отец будет в ярости. Твои тоже по головке не поглядят. Это опасно. Ты играешь с огнем.

Я пыталась аккуратно достучаться до ее благоразумия, подобрать слова, которые заставят ее остановиться, при этом не поругаться. Она молчала. Смотрела на меня. У нее появились сомнения. Это очень хорошо.

— Все тебе не нравится, — надула она губы, — Ладно... я подумаю еще. Как прошел вечер у Богачевых? Все норм? Ты поэтому хочешь соскочить, что Марк узнает накануне помолвки?

— Что я должен узнать? — раздался голос за моей спиной.

Вспомнишь — оно и появится. Я внутренне выругалась, поджала губы, оборачиваясь к парню. Точнее, к своему бывшему парню.

— Привет, Марк, — заулыбалась ему Карина, но ее улыбка померкла, когда она увидела мое угрюмое лицо. Она переводила взгляд с меня на него, пытаясь понять, что происходит.

— Вы что, не помирились?

— Мы расстались, — сказала я, глядя прямо на Марка. Пусть не надеется.

— Жень, хватит драматизировать, — он подошел ближе, укладывая руку мне на плечо, — Всё у нас хорошо. Она просто накрутила себя.

Но в этот момент рядом по коридору прошел знакомый силуэт. Шукшин. Он шел уверенной походкой, глядя прямо перед собой, и не смотрел в нашу сторону. Черная водолазка, темные брюки, очки. Я посмотрела на него, и сердце ухнуло куда-то вниз.

А потом он все же бросил случайный беглый взгляд в нашу сторону. Всего на секунду. Я сглотнула от волнения, сбрасывая руку Марка с себя, но мужчина этого уже не видел, спокойно пошел себе дальше.

— Не трогай меня, — сказала я тихо, но твердо, — Я сказала — всё кончено. Ты меня услышал?

— Женья... — начал он.

— Ладно, вы тут разбирайтесь, — Карина попятилась, явно не желая участвовать в этом разговоре, — Не буду вам мешать.

— Карин ничего не предпринимай. Хорошо?

Она быстро кивнула, развернулась и ушла, цокая каблучками по кафельному полу. Но я слишком долго ее знала. Этот кивок ничего не значил. Она могла согласиться, а потом сделать по-своему.

— Я сказала отцу, что свадьбы не будет, — перевела взгляд на Марка. — Так что это конец. Можешь не стараться. Тратить время на уговоры бесполезно.

— Что происходит? — он нахмурился, — Что вы тут обсуждали? Ты кого-то нашла?

— А что, если так? — усмехнулась, — Разрешешь мне с ним порасслабляться? Тебе можно изменять налево и направо, значит, и мне можно. Верно? Или у нас правила только для тебя?

— Что за бред ты несешь? Я тебе не изменял. Это просто переписка, ничего серьезного.

— Марк, хватит врать, — я устало покачала головой, — Мне надоело. Ты мне надоел. Твоя ложь, твои девицы, твое "я тебя люблю", за которыми следуют встречи с другими. Я не хочу этого. Я не хочу тебя. Отстань.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я его перебила.

— Мне пора. У меня пары и нужно зайти в деканат, — обошла его, — Я всё сказала. Всё кончено.

— Поговорим после, — бросил он мне в спину.

Я обреченно вздохнула. Как до него донести, что я не выйду за него?! Как объяснить, что между нами всё, точка, финиш, конец? Я шла по коридору, чувствуя на себе его взгляд.

Но я тут же позабыла о Марке, когда пришла на первую пару и села на последнюю парту. Карина почему-то проигнорировала математический анализ, вот куда, спрашивается, направилась, когда и так проблемы по этому предмету? Но

я воспользовалась ее отсутствием и разместилась на самой галерке, чтобы можно было беспрепятственно пялиться на Шукшина, не боясь быть пойманной кем-то из студентов.

Лекция началась. Шукшин говорил о пределах, о каких-то теоремах, которые я должна была знать, но не слушала. Я смотрела на его руки, на то, как он пишет на доске, на его профиль, когда он поворачивается к окну.

Мне было плевать на математику. Мне было важно только то, что он рядом. Что я могу его видеть. Что через несколько минут, когда закончится пара, я смогу подойти к нему. И сказать... Что сказать? Я не знала. Но что-то обязательно скажу.

ГЛАВА 12

ЖЕНЯ

Лекция закончилась, и я, не дожидаясь, пока последние студенты покинут аудиторию, поспешила к преподавательскому столу, где собирал вещи Шукшин. Он укладывал всё с той же неторопливой, почти педантичной аккуратностью, которая меня одновременно и бесила, и завораживала. Я встала напротив, сжимая в руках свою тетрадь с конспектами, которую так и не удосужилась открыть за выходные.

— Доброе утро, Сергей Романович, — улыбнулась ему.

Он поднял голову на секунду, ровно настолько, чтобы обозначить, что заметил мое присутствие, а дальше продолжил свои сборы со своей привычной отстраненностью.

Да, он уже со всеми поздоровался. В начале лекции, когда вошел в аудиторию, и не собирался здороваться со мной отдельно.

— Спасибо за повязку, нога совсем сегодня не болит, — поблагодарила мужчину.

— Золоторева, ты что-то хотела? — он наконец поднял голову и посмотрел на меня в упор, — Я уже сказал, отработки через кафедру. Записывайся в общем порядке.

— Да... Нет... Я сегодня схожу, обязательно запишусь.

Он кивнул и направился к выходу. Я поспешила за ним, на ходу придумывая причину, чтобы его остановить.

— У вас же дополнительные занятия имеются для группы? — спросила, едва поспевая за ним.

— Ты опоздала, — отрезал он, даже не взглянув на меня, — Я делаю набор в начале учебного года, а не накануне экзамена.

— Но мне нужно как-то подтянуть материал.

— Этим нужно заниматься в процессе учебы, а не за неделю до пересдачи, надеясь на чудо.

— Да, я понимаю... Но, может, сделаете для меня исключение?

— С чего бы? — он резко остановился, и я снова впечаталась в его грудь, только в этот раз он хотя бы не оттолкнул, а удержал меня за плечи, хоть и отстраняя от себя, — У меня с вами, Золоторева, нет никаких особых отношений, чтобы я делал вам поблажки.

Он отпустил меня, а я поджала губы.

— Это не поблажки, а помощь. Я действительно хочу все сдать. Отец меня убьет... Я и так отменила помолвку... — выпалила ему как на духу. Ну а что, пусть знает, что я свободная девушка.

— Меня не волнуют твои личные проблемы. Мы не в школе. Обратись с ними к психологу.

— Сергей Романович, ну зачем вы так... — сказала тихо.

— Золоторева, я уже сказал...

— Пожалуйста...

Всего одно слово. Тихое, почти беззвучное.

— У нас здесь не детский сад, а лучший ВУЗ страны. Если ты хочешь учиться — учись. Если нет — не трать моё время.

— Вот поэтому я и прошу вас помочь мне, — я смотрела ему в глаза, не отводя взгляда, — Потому что я хочу учиться.

Он выдохнул. Шумно, тяжело, как человек, который смирился с неизбежным. Пристально посмотрел на меня сквозь свои очки, и я почувствовала, как внутри всё замирает.

— Обратись к Антону Гурьеву, — сказал он, и я чуть не заплакала от облегчения, — Он любит страдать благотворительностью. Он запишет тебя в группу допников. Выучи лекции и пообщайся с ним или с кем-то из группы, может, что вынесешь для себя полезного.

Улыбка сама наползла на лицо. Я не могла её сдержать, хотя понимала, что сейчас это выглядит глупо. Студентка радуется, что её отправили к старосте. Но для меня это была маленькая победа.

— Спасибо...

Он кивнул, развернулся и ушел.

А я осталась стоять в коридоре, прижимая к груди тетрадь, и улыбалась до ушей.

— Ты что к нему сейчас подкатывала? — я вздрогнула от неожиданности, Карина подошла ко мне, как только Шукшин скрылся за поворотом.

— А ты где была? — спросила, вместо того чтобы отвечать, — Почему тебя не было на паре?

— Потому что я намерена его игнорить, — Карина пожала

плечами, будто это было очевидно, — Пусть не думает, что я буду бегать за ним.

Я вообще сомневалась, что Шукшин думает о ней — об очередной не сдавшей студентке, которая устроила скандал на экзамене и теперь делает вид, что его не существует.

— А я уже подумала, что ты хочешь слиться.

— Нет. Все в силе, — заверила подругу, не страдая угрызениями совести об обмане.

— Так что у вас произошло с Марком? Ты мне всё расскажешь или будешь делать вид, что ничего не случилось?

— Мы расстались, — сказала я устало, сколько раз мне ещё придётся его повторять? Кажется, я произносила это уже сотню раз за сегодня, а люди всё не верили, — Как я и сказала. И ничего больше не произошло. Просто поняла, что он не тот, кто мне нужен.

— А кто тебе нужен? — она усмехнулась, — Ты кого-то присмотрела?

— Вы с Марком сговорились?

— Нет, просто это странно, — она покачала головой, не сводя с меня глаз, — Ты вообще какая-то другая в последние дни.

— Обычная.

— Ладно, как скажешь, — Карина вздохнула, поняв, что я не собираюсь открываться. — Захочешь поговорить — расскажешь. Я всегда рядом. Ты же знаешь.

Кивнула.

— Ну и что этот мудака? Как-то отреагировал? Дай угадаю: «Что вы хотели, студентка Золотарева? Отработка через кафедру?»

— Примерно так, — усмехнулась я, вспоминая холодный тон своей неприступной скалы в черной водолазке и очках.

— Какой предсказуемый, — фыркнула она, — Но он с тобой долго говорил.

— Я попросилась на дополнительные занятия, — призналась.

— Ничего себе ты гений! А он что?

— Отправил меня к старосте.

— Пф... — она скривилась, — Ну, хотя бы так.

— Ты на следующие пары идёшь? — спросила, чтобы сменить тему.

— Иду, — зло вздохнула она, — Как же меня достала эта учёба!

— Тогда я догоню, — как раз на горизонте появился Гурьев в сопровождении своего друга, не помнила его имени. То ли Булкин, то ли Коржииков. Но точно что-то сдобное.

Они шли по коридору, о чём-то оживлённо беседуя. Антон, как всегда, был сосредоточен и серьёзен, а его приятель, наоборот, глазел по сторонам.

— Антон! — позвала я старосту, махнув ему рукой, — Подожди!

Они обернулись. Я подошла к ним, чувствуя, как друг Ан-

тона устался на меня с откровенным любопытством. Его взгляд скользнул по моему лицу, по фигуре, задержался на ногах. Я закатила глаза.

— Челюсть прикрой, — бросила ему, не скрывая раздражения, — Не в зоопарке.

Он смутился, покраснел, что-то пробормотал. Антон усмехнулся, похлопал друга по плечу и повернулся ко мне.

— Что такое, Жень? — спросил Гурьев, и в его голосе слышалась лёгкая насмешка, но скорее над своим приятелем.

— Отойдём, — попросила я, кивнув в сторону пустующего окна. — На пару слов.

Мы отошли. Друг остался стоять в стороне, делая вид, что смотрит в телефон, но я видела, как он косится в нашу сторону.

— Да, так что такое? — Антон смотрел на меня с любопытством. Он был хорошим парнем, умным, ответственным, но слишком правильным. Отличник. Гордость потока.

— Добавь меня к допникам на матанализ, — сказала без предисловий. — Скинь всё расписание. Когда занятия, где, во сколько.

— Ты ничего не перепутала? — он удивился, приподняв бровь.

— Шукшин разрешил.

— Мы точно о нём говорим? — Антон усмехнулся, — Сергей Романович никого посреди года никогда не набирает.

Это его принцип.

— Меня взял.

— Как тебе это удалось? — он вернул мне вопрос из нашей недавней переписки.

— Расплатилась натурой, — улыбнулась я парню, вспоминая тот разговор.

Конечно, он не поверил и громко засмеялся моей шутке.

— Отошел от нее, — вдруг раздалось грозное за спиной.

Я обернулась. Марк.

— Жень, ты серьёзно променяла меня на этого ботана? — он кивнул в сторону Гурьева, — Да он не знает, куда нужно член совать...

— Зато ты это очень хорошо знаешь... Только вот пользуешься своими знаниями с кем попало.

Марк хмурится. Его лицо становится красным от ярости. Я вижу, как сжимаются его кулаки, как напрягаются мышцы на шее. Он не привык проигрывать. Не привык, чтобы его отшивали прилюдно. А тут ещё и при Антоне, при этом «ботане», который, по мнению Марка, даже не заслуживает моего внимания. Мужское самолюбие — штука хрупкая и опасная.

— Это из-за него? — Марк кивает в сторону Антона, который не понимает что происходит, — Ты с ним? Серьёзно? Ты променяла меня на этого...

— Не смей, — перебиваю я, делая шаг вперёд, чтобы заклонить собой старосту. — Не смей его трогать. Он не имеет

никакого отношения к тому, что между нами. Это ты виноват. Только ты.

Но Марк меня уже не слушает.

— Ты, — Марк делает шаг к Гурьеву, и я чувствую, как напряжение в воздухе становится осязаемым. Студенты в коридоре тоже начинают поглядывать в нашу сторону, — Ты, ботаник хренов, решил мою девушку увести?

— Я... я никого не уводил, — бормочет Антон, его лицо бледнеет, — Мы просто разговаривали. Женя попросила добавить её на дополнительные занятия. И всё.

— Дополнительные занятия? — Марк усмехается, но в усмешке нет ничего весёлого, — Слышал я про такие занятия. Думаешь, тебе что-то перепадет?

— Марк! — я хватаю его за рукав, пытаюсь остановить, но он стряхивает меня.

— Перепадет, но не то что ты рассчитываешь...

— Прекрати! Ты несешь чушь! Никто никому...

Я не успеваю договорить.

Марк бьёт Антона.

Быстро, резко, с разворота. Удар приходится в челюсть, он такой сильный, что очки слетают с лица Гурьева и падают на пол, со звоном разбиваясь о плитку. Антон отлетает к стене, сползает по ней, хватаясь за лицо. Из разбитой губы течёт кровь.

— Антон! — я бросаюсь к нему, падаю на колени, пытаюсь помочь подняться. — Ты как? Антон, посмотри на меня!

Он мычит что-то невнятное, трясёт головой, пытаясь прийти в себя. Из носа тоже идёт кровь, пачкая его светлую рубашку.

Но Марк не останавливает, хватая Антона за ворот рубашки, тот с треском разрывается, обнажая плечо, и намеревается продолжить, занося кулак для нового удара. Антон закрывает глаза, вжимает голову в плечи, готовясь к новой боли.

— Что здесь происходит? — раздаётся за спиной, и я облегчённо выдыхаю, узнав этот голос.

Шукшин схватывает Марка за плечо, рывком отцепляет его от Антона и одним движением оттягивает в сторону. Марк пытается вырваться, но Шукшин держит крепко.

— Что вы здесь устроили?

— Ничего, Сергей Романович, — Марк нагло усмехается, одёргивая пиджак, — Просто одному ушлёпку показал, что будет, если подкатывать к моей девушке.

Шукшин косится на меня.

— Личные разборки должны быть оставлены за стенами учебного заведения, — говорит ледяным тоном, как ранее мне про детский сад. И мне становится невыносимо стыдно перед мужчиной. Потому что он сейчас видит меня в самом неприглядном свете, и я не могу ему объяснить, что я ни в чем не виновата. Что я просто попросила Антона о помощи и никого не провоцировала.

Бубликов помогает своему другу подняться. Антон всё

ещё пошатывается, кровь течёт по подбородку, капает на пол, и я смотрю на эти красные пятна и не могу пошевелиться. Драка напомнила мне выходные. Второй раз я случайным образом оказываюсь втянута в драку, являюсь ее причиной.

И если бы Сергей Романович не умел драться, то мог выглядеть как Гурьев. Или хуже. Ведь тех в парке было больше.

— Я не твоя девушка! — шиплю Марку, злясь, что все из-за него, и там в парке и сейчас, бью в грудь этому идиоту.

— Золоторева, — предупреждающе говорит Шукшин, перехватывая мою руку, и я затихаю от его голоса, — Помоги Гурьеву добраться до медпункта.

— Хорошо, — киваю.

Марк зло смотрит в нашу сторону, но стоит на месте, вроде немного успокоился.

В медпункте Антону помогают и отпускают домой. К нам приходит взвинченная Надежда Александровна, наш куратор, она пытается понять, что случилось, но Антон отмахивается, говорит, что вышло недоразумение.

— Прости, — говорю я Антону, когда Надежда Александровна, наконец, уходит, не добившись правды, — Богачёв совсем слетел с катушек.

— Вы правда с ним расстались?

— Похоже, он не согласен, — Антон кривит разбитые губы в попытке улыбнуться, но тут же морщится от боли.

— Придётся смириться, — вздыхаю я.

— С тебя причитается, Женя, — усмехается Антон, и я

вижу, что он не держит зла. Хотя мог бы. Я втянула его в эту историю, и он пострадал.

— Договорились.

— Заметано. Я добавлю тебя в группу дополнительных занятий, как и обещал. И после как-нибудь пообщаемся.

— Хорошо. Спасибо.

Вот это денек. Я смотрю ему вслед и чувствую, как усталость наваливается на плечи. Наверное, не стоило игнорировать Марка, а спокойно поговорить, да только я не знаю что ему сказать, кроме того, что между нами все кончено.

Он привык, что я уступаю. Что я прощаю. И сейчас он просто не верит, что на этот раз всё по-настоящему.

Но ясно одно — говорить ему, что у меня кто-то появился, точно не следует. Не хватало, чтобы он накинулся и на Сергея Романовича.

Точно! Записаться на отработку.

Я направилась на кафедру. Все равно уже опоздала на вторую пару.

Застаю там Шукшина. Он в компании какого-то парня — молодого, светловолосого, с какой-то странной пластикой движений. Они о чём-то тихо разговаривают, склонив головы. Я останавливаюсь в дверях, не решаясь войти.

— Золотарева, — выдыхает он, когда замечает меня, — Что ещё? — отрывается от разговора.

— Простите, что отвлекаю, — делаю шаг в кабинет, — Но

вы сами сказали записаться на кафедре к вам на отработку. Вот я и пришла.

Подхожу ближе и замечаю, что парень какой-то странный. Он стоит чуть сгорбленно, его правая рука немного подрагивает, а левая чуть сжата в кулак. Он улыбается открыто, по-доброму, но его лицо кажется чуть асимметричным, и я понимаю, что это, вероятно, последствия какого-то заболевания.

— Киrr...ил... — представляется он, протягивая мне руку. Запнулся на первой букве, но я не обращаю внимания, хотя и теряюсь на секунду. Что-то похожее на ДЦП, я видела таких детей в благотворительных центрах, куда мама меня водила, когда я была маленькой. Но я быстро беру себя в руки и аккуратно пожимаю его ладонь — тёплую, с чуть ослабленными пальцами.

— Женя, — улыбаюсь, стараясь не смотреть на него слишком пристально. Не хочу, чтобы он чувствовал себя неловко.

Шукшин тем временем открывает журнал и водит пальцем по датам.

— Среда, четырнадцать ноль-ноль, — говорит он, не поднимая головы, — Или четверг, семнадцать тридцать.

— Четверг, — выбираю, даже не раздумывая, — Успею как раз подготовиться.

Хотя выбрала это время совершенно не из-за подготовки. Вечер. Мы вдвоём на отработке. Никто не будет мешать.

— Записал, — говорит Шукшин как-то недовольно, —

Все? — поднимает на меня взгляд.

— Да. И спасибо, — добавляю, — За то что разняли их. Если бы вы не пришли, неизвестно, чем бы всё закончилось.

— Кто-то по... подрался? — заикаясь спрашивает Кирилл, переводит взгляд с меня на Шукшина.

— Мой бывший парень и...

— До свиданья, Золотарева, — не даёт мне договорить Шукшин.

— До свидания, Сергей Романович.

ГЛАВА 13

ЖЕНЯ

Рано я расслабилась. Как только я переступила порог дома, сняла куртку и сунула ноги в домашние тапочки, как сразу поняла, что спокойным и вечер не будет.

— Мы не закончили наш разговор.

— Я всё сказала, — нахмурилась, скрещивая руки на груди. Сегодня выдался тяжелый день: Карина с ее планами, драка, Антон с разбитым лицом, Марк с его бешенством, Шукшин с его ледяным взглядом. И быть тактичной и мудрой, как советовала мама, у меня не получалось. Силы кончились. Терпение лопнуло. Второй день я без устали твержу, что свадьбы с Богачевым не будет, а они не слышат.

— Ты как с отцом разговариваешь?

— Я не сказала ничего неуважительного. Только в очередной раз, что я не выйду замуж на Марка. Услышь меня, прошу.

— Кто промыл тебе мозги? Я хочу на него посмотреть. Познакомь нас раз он лучше Марка.

— Нет.

— Почему?

— Потому что не хочу. Вы на него надавите. Начнете оценивать. А мне не нужна эта оценка. Мне нужен он, каким бы он ни был.

— Значит, все же связалась с нищим...

— А ты уважительно говоришь о людях? Даже не зная его?

— Уважение нужно заслужить. Пока что я вижу только, что моя дочь ведет себя как капризная девчонка, которая не понимает, что ей нужно для счастливой жизни.

— Свадьбы не будет, пап, — сказала я устало.

— Это мы еще посмотрим.

— Заставишь меня? Деньги заберешь? Карточки заблокируешь? Может, мне сразу из дома уйти?!

— Заблокирую, если потребуется, — отец не дрогнул, — Если ты не понимаешь по-хорошему, будут другие методы.

Михаил Золотарев был непреклонен. На что я вообще надеялась? Я поджала губы от обиды, чувствуя, как к горлу подступает ком. Я хотела кричать, плакать, бить посуду. Но зачем? Это ничего не изменит.

— Ты вообще меня любишь? Или только свой бизнес?

— Ты забыла, что мы обязаны нашему бизнесу тем, что имеем? — отец подошел ближе, в ход пошел повелительный указательный палец, что он тычет мне в лицо, — Если бы я не работал столько времени, не вкалывал без усталости, не рисковал, где бы ты сейчас была? Ездила бы на лучшие курорты? Училась бы в престижном университете или в захудалой ПТУ?

— Не нужно мне это все... Мне необходимо нормальное человеческое отношение. Я не вещь! А ваша дочь! — слезы

брызнули из глаз, и я поспешила скрыться в своей комнате.

— Не нужно... — донеслось мне в спину, — Все так говорят... А как забереешь... Женя!

Я снова закрылась в спальне, даже маме не открыла. Я знала, что она скажет. Она сделает вид, что на моей стороне, а сама станет меня продавливать. Я может, даже опять попадусь на ее очарование, мягкость, но это ни к чему не приведет.

Готова ли я уйти из дома?

Никогда не думала об этом. Причин не было. Да, мы ссорились с отцом. Да, он высказывал мне за мои выходки. Иногда я напивалась, иногда пропускала пары, иногда поздно возвращалась домой. Но всё было просто и понятно. Сейчас же мои границы были нарушены. Я была категорически против брака. Против того, чтобы меня продавали и моя судьба решалась без моего участия. Но куда я пойду, если он и правда заберет финансовую поддержку?

Не знаю, смогу ли я жить как обычные люди без сотен тысяч на карте, без безлимитных трат, без шопинга в дорогих бутиках. Отец знал, что говорить. Я же не дура, и понимаю, что деньги дают свободу. Но какую свободу? Свободу покупать вещи? Или свободу делать выбор?

Но ведь народ как-то живет... печет спокойно блинчики дочке...

Мысли опять свернули к мужчине. Я бы незамедлительно собрала вещи и укатила к нему в его скромную квартиру с

маленькой кухней, на которой он печет блинчики дочке, и тесной ванной, на которой вдвоем не протолкнуться, но зато можно прижаться... Да только он меня не ждет. Обреченно вздохнула, вспоминая его холодный взгляд.

Гурьев, несмотря на полученные травмы, выполнил обещание — добавил меня в группу допников. И я зависла в пустом чате с Шукшиным. Теперь я могла ему что-то написать, но сдерживалась и не делала этого.

Нужно подготовиться к отработке, да и в целом к экзамену. Потому что была уверена, что он даже слушать меня не станет, не реши я задания, даже если я оденусь сногшибательно. А именно так я и собиралась поступить. Хотелось, чтобы он не смог отвести от меня взгляд и вот так же залипал на меня, как я сейчас на его аватарку в социальных сетях.

А затем вселенная, будто услышала мои призывы, и Гурьев прислал мне сообщение.

“Вот смотри, эти занятия точно будут на отработке. Прикрепляю варианты решений. Решай по аналогии.”

“Спасибо большое” — это было то что нужно.

“Для экзамена завтра пришлю, нужно компьютер включать, а так бошка раскаляется”

“Прости за сегодняшнее еще раз”

“Похоже, теперь не только Богачев думает, что мы пара”

А следом улыбающийся смайлик в компании со взрывающейся головой.

Выглядели мы и впрямь как разборки и кто-то, как оказа-

лось, заснял это на телефон.

“Если надо кому-то объяснить, что это не так — я готова” — намекала я на его девушку, если таковая имеется.

“Не надо. Мне даже лучше. Пусть думают, что такая красотка запала на меня. Это льстит”

Мы еще немного пообщались и я засела за конспекты. Все равно не спалось, а так хоть с пользой провела время. Мне хотелось удивить Шукшина показать, что не зря сделал мне послабления.

Я работала стратегично, как марафонец, а не спринтер. Вначале показать, что я адекватная, что мне можно доверять, а значит, не просто взбалмошная студентка, и со мной можно иметь отношения...

Позвонила Карине, хотела поделиться с ней материалами. Антон прислал реально понятные схемы. Ей бы тоже не помешало. Но подруга зависала в каком-то баре, ей было явно не до учебы. Она звала меня присоединиться, но я отказалась. Особенно, после того как выяснилось, что Богачев тоже там.

За завтраком отца не было. Мама ела молча. Обиделась, что я проигнорировала ее вчера. Я тоже молчала. Брат тоже хмуро сидел и на нас поглядывал.

— Женя, хватит косячить! — важно заявил мне, уходя в школу.

Вот же папина копия.

— Иди уже! — сказала ему, махнув рукой, — Только от

тебя мне не хватало нотаций, — хоть бы кто-то был на моей стороне.

— Я бы на твоём месте его послушала, — сказала первую фразу за все утро мама, — Устами младенца глаголит истина.

Да только у меня своя правда. И я не собираюсь менять её на чужую.

И пусть моя аксиоматика не совпадает с семейной — это их проблемы. Я строю свою систему.

ГЛАВА 14

ЖЕНЯ

Боже, я столько не примеряла нарядов на самые крутые вечеринки. Стояла перед открытым шкафом, перебирала вешалки и чувствовала себя героиней плохого фильма, у которой через час ответственное свидание. Только это было не свидание. Это была отработка по математическому анализу.

Я не знала, что надеть на отработку к Шукшину. Хотелось выглядеть неотразимо, но при этом не вызывающе. Чтобы он посмотрел — и замер. Чтобы увидел во мне женщину, а не фамилию в списке. Но при этом не подумал, что я собираюсь его соблазнять. Или подумал? Я запуталась.

Я сменяла один наряд на другой и начинала раздражаться из-за того, что ничего не нравилось. Нужно было вчера сходить в бутик и прикупить что-то новое, свежее, то, в чем я буду чувствовать себя уверенно. А сейчас уже поздно, через два часа мне нужно быть в университете.

Нужно успокоиться и подумать логически. Короткую юбку он может не оценить, скорее всего, просто не заметит. Или заметит, но сделает вид. На лекциях он никогда не смотрит на студенток ниже пояса. Он как будто специально держит взгляд на уровне лица.

К тому же большую часть времени буду за столом, и не факт, что мне удастся к нему подобраться ближе. Значит,

надо выбирать что-то наверх.

Что-то провокационное? Или милое... нежное?

Лучше совместить.

Мне нужно что-то среднее. Женственное...

Сейчас в моде полупрозрачные наряды. Вроде и закрыто, а вроде и видно всё, что нужно. Я встала, снова подошла к шкафу. Мой взгляд упал на блузку из тонкого черного шифона, которую я купила прошлой весной и ни разу не надела. Она висела в самом дальнем углу, зачехленная, забытая. Я достала ее, приложила к себе, посмотрелась в зеркало. Длинный рукав, воротник-стойка, почти невесомая ткань, сквозь которую угадываются очертания тела. И не вызывающе. Или вызывающе? Я повертелась перед зеркалом.

Да. То что нужно.

Под блузку я надела черное кружевное белье. Не слишком откровенное, но такое, что если присмотреться, становится понятно, что под тканью не просто скучный топ. Блузка струилась, переливалась, открывала ровно столько, сколько нужно, чтобы заинтриговать, но не спровоцировать. Я расстегнула верхнюю пуговицу — чтобы ключицы были видны. Еще одну — чтобы взгляд скользнул ниже. Потом застегнула обратно. Нет, две — в самый раз.

Брюки — черные, узкие, сидят идеально. Туфли — лодочки на высоком каблуке. Волосы не закалывала, пусть падают на плечи, обрамляют лицо. Минимум макияжа, только тональный крем, тушь, блеск для губ. Никаких стрелок, ни-

какой красной помады. Я должна выглядеть как прилежная студентка, которая пришла учиться.

Добралась до универа и зависла в машине, боясь выходить. Лишь бы не наговорить ничего такого... Боялась, что он снова меня оттолкнёт. Боялась, что не смогу сдержаться.

Не помню, когда я в последний раз так волновалась. Внутри всё дрожало, ладони потели, в груди теснилось что-то огромное, мешающее дышать.

Сняла куртку в раздевалке и направилась на кафедру. Зимой темнеет рано и в универе было атмосферно. Лампы освещали пустые коридоры, а стук моих каблучков гулко отражался от стен.

Открыла дверь кафедры, предварительно постучав, столкнулась с Надеждой Александровной, нашим куратором. Она стояла у стола, перебирая какие-то бумаги.

— Надежда Александровна, я пришла на отработку к Сергею Романовичу.

— Он принимает в четыреста третьей.

— Спасибо.

— Женя, — окликнула она меня, когда я уже повернулась к выходу, — Ты подготовилась? Проблем не будет? Я не ожидала, что ты окажешься в числе недопущенных.

— Подготовилась.

— Ты если что помягче с ним, — посоветовала она, — Сергей Романович строгий, но справедливый. Лучше честно скажи, если что-то не помнишь.

Кивнула. Помягче я могу, но понравится ли ему? Я, конечно, не собиралась себя вести как Карина, но у меня были другие мотивы.

Стоило мне подойти к аудиторий, как из нее вышел Петрушин, наш заядлый прогульщик, которого я видела на парах раз пять за весь семестр. Он выглядел явно недовольным.

— Привет, — скупое бросил и прошёл мимо, даже не взглянув на меня. Я махнула в ответ и поспешила войти.

Шукшин был в своей черной водолазке и черных брюках. Мы оба были в черном. Может, я подсознательно надела черное, чтобы соответствовать? Подойти бы к нему, снять очки, заглянуть в глаза и сказать что не могу без него... Что я пришла сюда не ради математики.

— Что ты застыла, Золоторева? — спросил, не подозревая о моих мыслях.

— Добрый вечер, Сергей Романович... Я пришла.

— Я вижу, — он кивнул на парты, — Проходи, садись.

А потом мне показалось на секунду, всего на секунду, что его взгляд скользнул в район моей груди. Может, все же показалось. Может, я просто хотела этого. Он оценил? Пусть смотрит. Ему можно. Для него я и надела эту блузку.

Улыбнулась шире, проходя вглубь аудитории, и разместилась на первой парте.

— Что от меня требуется? — спросила, поднимая глаза.

— Ты провалила контрольную, — он подошёл к своему

столу, взял стопку листов, — Решишь её — и ты допущена к экзамену. Ничего лишнего.

— Хорошо.

Мужчина положил листы передо мной.

— Всё ясно?

— Да, — ответила, хотя ещё не прочитала ни одного задания, вдыхая его аромат.

Мне казалось, воздух буквально звенел от напряжения, от близости, от того, что мы вдвоём в пустой аудитории. Или это всё во мне звенело, как натянутая струна, готовая лопнуть в любую секунду. Мне стало душно. Я закусила губу, сводя ноги теснее под партой. Уставилась на листы, пытаюсь понять, что там написано, но не могла сосредоточиться.

— Золотарева, — раздалось надо мной спустя минут пятнадцать, и я вздрогнула, — Я ведь просил не тратить моё время. Ты подготовилась или нет?

— Я готовилась... Честно.

Он скептически посмотрел на меня. Подошёл ближе, ткнул пальцем в первый пример.

— Эти пределы решаются через правило Лопиталя.

— Производная числителя, производная знаменателя, потом подстановка... — ведь я и правда готовилась, это было в тех примерах, что скинул мне Антон.

— Тогда в чем трудности?

— Не знаю... Что-то здесь душно.

Я начала обмахиваться листом бумаги. Щёки горели. Шея

горела. Всё тело горело. И я знала, что это не от жары.

— Душно? — он удивился, — Наоборот, прохладно. Открыть окно?

— Да, если можно, — попросила я.

Мужчина подошёл к окну, распахнул створку. Холодный воздух ворвался в аудиторию — свежий, влажный, пахнувший снегом и ветром. Щёки остыли, краснота точно ушла, но кожа покрылась мурашками от прохлады. А вершинки груди и вовсе заострились, пробиваясь через лиф и тонкую ткань блузки, демонстрируя себя во всей красе. Я не прикрыла их руках. Я не стесняюсь его, я хотела, чтобы он видел...

— Спасибо. Лучше.

Я небрежно взбила рукой волосы, чуть мотнув головой, чтобы они рассыпались по плечам. Движение вышло естественным и немного эротичным. Самую малость...

Выдохнула, чтобы не переборщить, и принялась решать примеры.

Я всё же решила два задания, когда мужчина сказал, что моё время вышло. Встала, подошла к его столу. Положила листок перед ним и остановилась.

— Да, сейчас проверю. Можешь пока присесть.

Но уходить я не собиралась. Вернулась к своей сумке, достала фирменный пакет с эмблемой мужской одежды и подошла к нему обратно. Обошла стол, приблизилась почти вплотную, разместились справа от него, облокотившись пятой точкой на столешницу. Пакет лег рядом с его папкой.

— Я вам кое-что принесла...

— Что это? — он вскинул на меня взгляд. Не притронулся к пакету, даже не посмотрел в его сторону. Смотрел на меня.

— Хотела вас отблагодарить, — улыбнулась, — Вы взяли меня в дополнительную группу... И... Вы сказали, что я испортила вашу рубашку... Вот...

— Не испортила. Я её постирал. Она вполне пригодна. Не нужно ничего возвращать.

— У вас будет ещё одна запасная. На такой случай...

— Надеюсь, такого случая больше не представится, — сказал он угрюмо, — Так что заberi свой презент. Не хватало, только чтобы меня во взяточничестве обвинили из-за какой-то рубашки.

— Так это же не деньги, — я не отступала.

— Преподавателям можно принимать подарки от студентов стоимость не больше трех тысяч рублей, а твоя рубашка явно дороже.

— Не знаю, сколько она стоит, — сказала честно, — Но кто узнает...

— Золотарева... — он встал, взял пакет и протянул мне обратно, — Заberi.

— Сергей Романович... — я не брала пакет, — Я же от искренне от чистого сердца.

— Я уже сказал, что мне было достаточно твоей устной благодарности. И знаний по предмету, чтобы не тратить моё время. Это и есть лучшая благодарность — когда студент

сдаёт экзамен, а не приносит подарки.

— Вы так не хотите меня видеть? — я подалась к нему ближе, — А я вот очень скучала... Всё время о вас думаю...

Слова вырвались сами. Я не планировала их говорить. Но они пришли — искренние, горячие, опасные. Я замерла, глядя ему в глаза. Он замер, глядя на меня. Его взгляд потемнел.

В проходе что-то стукнуло. Мы обернулись одновременно.

В приоткрытой двери показалась Карина с телефоном в руке. Не надо быть дураком, чтобы понять, что она снимала видео или фотографировала.\

ГЛАВА 15

ЖЕНЯ

— Так вот зачем всё это, — Шукшин усмехается, и эта усмешка хуже любого крика.

Он разворачивается к столу, начиная собирать свои вещи. Папка, листы, ручки, планшет — всё летит в его сумку с каким-то ожесточением, которого я раньше в нём не видела.

— Ну что же, удачи, — говорит холодным тоном. Нет, ледяным, так со мной он еще не говорил. У меня буквально в груди все обрывается.

— Нет... Все не так... Вы не так поняли...

— Может, и те типы в парке — просто постановка? — он качает головой, и этот жест, разочарованный и усталый, добивает меня окончательно. Он будто уже всё решил. — Откуда ты там взялась в такое время? В парке, вечером, одна? Что там твоя подруга кричала? Что уничтожит меня. Хороший план, Золотарева. Продуманный.

— Нет! — я почти кричу, но он меня не слушает, — Да, Карина что-то хотела... Я сначала согласилась... но потом отказалась! Понимаете? Я не хочу в этом участвовать! Я передумала! И в парке всё было по-настоящему, клянусь вам. Я не знала, что они там будут. Я просто хотела... я просто...

— Вырядилась в это, — он кивнул на мою блузку, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на брезгливость

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.